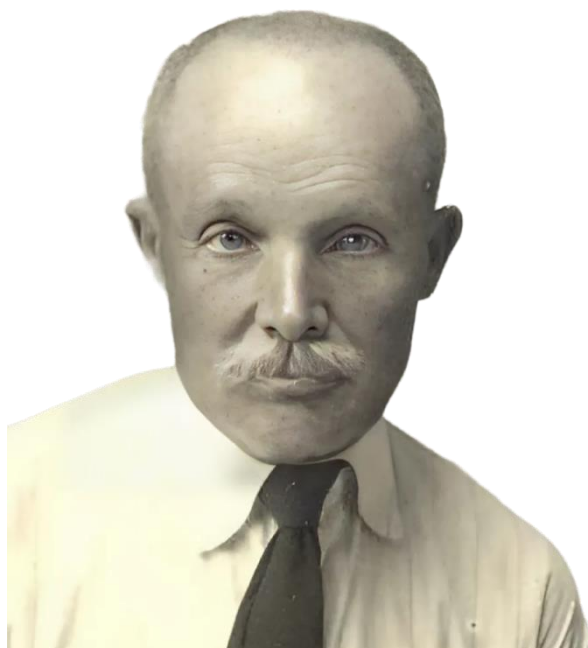

Центральная библиотека Очерского городского округа
Отдел электронных ресурсов и информационных технологий

ВЗГЛЯД НАЗАД

Дайджест статей Филиппа Михайловича Малкова,
опубликованных на страницах газет

Очер 2024

91.9:63 кр

В 40

Взгляд назад : дайджест статей Филиппа Михайловича Малкова, опубликованных на страницах газет / Центральная библиотека Очерского городского округа ; составитель Е. О. Шадская. – Очер : б. и., 2024. –

В издании представлены основные публикации очерского краеведа и педагога Ф. М. Малкова (1889-1975), вышедшие в свет на страницах местных газет «Сталинский удраник» и «Ленинское знамя» в 1940-1958 гг. Особый интерес и ценность представляют его работы о прошлом Очеры XVIII-XIX веков. Статьи расположены в хронологическом порядке публикации.

Для широкого круга читателей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

80 лет назад.....	3
Голодная старость	5
Что читали наши деды?	6
Создадим краеведческий музей	6
Воспитываю патриотов родины	7
Мои планы на будущее	9
В очерской вотчине графа Строганова.....	11
Ценная геологическая находка	20
Очер под пятою Строгановых.....	21
Памятник времен дикого барства.....	34
Крепостные мастерские Очеры.....	39
Деревенские крепостные Строгановых в Очере	45
Строгановская плотина в Очере	54
Бунт в Спешковской волости в 1862 году.....	56
Межевой бунт во Дворце в 1867–69 гг.....	58
Как Строганов сдирал оброк с освобожденных крепостных Очерского округа	62
Мрачные тени минувшего.....	65
Горько при барине было учиться.....	69
Крепостной художник	74
Как очерцы получали «волю» в 1861 году	77
Культура помещичьего Очеры.....	82

80 ЛЕТ НАЗАД...

В бюро Очерского краеведческого общества имеется интересный документ, проливающий яркий свет на мрачные годы владычества графов Строгановых в «Очерской вотчине». Этот документ – рукописная «Книга Очерского окружного правления об окладах и выдачах служителям жалования за 1860 год». Пожелтевшие от времени страницы донесли до нас волнующую правду о тяжелых днях крепостного служилого люда. В книге имеется 221 лицевой счет. Интересно ознакомиться, из чего складывалось жалование строгановских служилых людей?

Прежде всего, мы узнаем, что на содержание служащих окружного правления за 1860 год выплачено 20664 руб. 25 коп., причем из них 1543 руб. 56 коп. получил управляющий Егор Демидов и 1536 руб. – иностранный механик Дорн, 2639 руб. 11 коп. падает на долю попов, состоявших на содержании графской конторы.

Большая толика выплачена адвокатам, исправнику, становому и даже лакею исправника. Таким образом из этого видно, что полиция, церковь и юстиция была на службе у помещика и представляли надежный оплот для графских интересов. Попы, по сравнению с конторскими тружениками, даже учителями, получали огромные для того времени оклады. Например, попу Серебряникову выплачивалось лишь от конторы в год 265 рублей, в то время как учитель получал около 70 руб. в год, фельдшер заводской больницы 6 руб. 50 коп. в месяц, ученый лесовод 5 руб. 41 коп. в месяц, землемер, носивший титул «главного лесного съемщика» – 8 руб. 20 коп. Можно себе представить сколько же получал обыкновенный канцелярист-счетовод, если труд людей имеющих образование и специальность ценился так дешево. Приведем ряд цифр. «Главный часовщик» получал 75 коп. в месяц, канцелярист П. Меньщиков – 40 коп. в месяц, опытный литейный мастер Лунев получал высокую для рабочего ставку 8 руб. 60 коп. в месяц.

Кучера Иона Бояршинов и Иван Соромотин имели «оклады» 2 руб. 70 коп. в год, сторожу на плотине Данилу Бессонову в год выплачивали 1 руб. 25 коп. В таких же приблизительно суммах оплачивался 12–14 часовой труд других служителей конторы.

Получая мизерную оплату за каторжный труд, служилый люд подвергался различным штрафам и вычетам. Например, писец Н. Власов из своей зарплаты должен был платить за канцелярские книги 1 руб. Так как работа в конторе производилась и вечерами, то все служащие оплачивали свечи, при свете которых работали. Этот свечной налог выражался в солидные суммы. Регистратор Желнин получал в месяц 42 коп., а на свечи в год уплатил 87,5 коп., т. е. две месячных ставки. Даже сторож на плотине Данила Бессонов не избежал свечного налога и платил 10 коп., т. е. двадцатую часть своей годовой ставки.

На всю территорию Очерской вотчины Строганов имел лишь одну больницу, в которой было два лекарских помощника, кухарка и прачка. Но на их содержание также вычитались деньги из жалования служащих и рабочих.

Штрафы имели настолько распространенный вид графских поборов, что из 221 человека редкий избежал его. У некоторых штрафы во много раз превышали годовую зарплату. Сельский приказчик Алексей Мудрых уплатил за год штрафов свыше 30 руб., при ставке 50 руб. 40 коп. в год. Писец Калашников, получая в месяц 61 коп., был оштрафован за опоздание на 50 коп., за просчет 6 руб., за испорченную «снасть» 50 коп. Кроме того, у него вычли за свечи 62,5 коп. и за больницу 6,4 коп. Таким образом, проработав бесплатно год, он вынужден был доплатить помещику 48 коп.

Каждый лицевой счет — это история живого человека, человека забитого, униженного, поставленного в положение раба, вся жизнь которого была подчинена — множить богатства эксплуататора.

Сталинский ударник. — 1940. — 7 ноября.

ГОЛОДНАЯ СТАРОСТЬ

Сталинская Конституция предоставила трудящимся нашей страны право на материальную обеспеченность в старости.

До наших дней дошли документы жуткой эксплуатации в бывших строгановских вотчинах, документы, рассказывающие о положении рабочих, лишившихся трудоспособности по старости. 60–70 лет тому назад на Очерском и Павловском заводах насчитывалось 1539 человек. Каторжный труд того времени, отсутствие элементарных форм охраны труда быстро подрывали здоровье рабочих. 15–20 лет было в большинстве пределом полной работоспособности. Но нигде в документах нет даже речи о помощи этим людям, в 40–50 лет ставшим инвалидами.

Правом на пенсию в строгановской вотчине пользовались «престарелые мастеровые» проработавшие на заводе 50 лет. Но мало кто доживает до таких лет. Из 1539 человек, пенсию по престарелости от 50 до 31 коп. в месяц получили только 8 человек: Иван Стариков, Матвей Бояршинов, Михаил Катаев и др.

Причем, чтобы получить эту нищенскую подачку за 50 лет каторжной работы требовалось, чтобы рабочий беспрекословно выполнял всякую прихоть управителей и приказчиков. Незначительное неповиновение кому-либо из строгановских приставников лишало и этой милостыни. Так рабочему Андрею Каменских, проработавшему 50 лет на заводе, было отказано в пенсии «за грубость».

Дети рабочих, умерших от непосильного гнета, не пользовались никакой помощью. Исключение составляли дети нескольких особо приближенных к помещику рабочих, доносчиков и шпионов: В. Малых, М. Вологодина и Ф. Карпова. Их дети получала по 25 коп. в месяц.

Вдовы рабочих получали пенсию только в исключительных случаях и их было немного. Например, Е. Постникова за пятидесятилетнюю работу мужа получала 26 коп. в месяц, Марии

Павловой было назначено 6 и три четверти копейки в месяц. Даже 7 копеек пожалел помещик!

Так был обеспечен в старости строгановский рабочий.

Сталинский ударник. – 1940. – 11 декабря.

ЧТО ЧИТАЛИ НАШИ ДЕДЫ?

В наше время человек, не читающий книг, – явление очень редкое. Книга является спутником советских людей, не только в школе и дома, но даже в поездках. Миллионные тиражи выпускаемых книг, журналов и газет – все это является достоянием трудящихся нашей родины.

Что и как читали в строгановское время служащие как наиболее развитая часть населения? По дошедшим до нас документам мы узнаем, что читать в то время служащий мог только с разрешения управителя. И это разрешение получали наиболее «благонадежные» лица. К числу таких относился приказчик Николай Дьяконов, кое-что выписывали учитель Михаил Меньщиков, окружной лесничий М. Россомагин. Рядовые служащие ничего не выписывали и не читали, только один среди 200 служащих – мастер П. Безукладников выписал за всю жизнь одну книгу... библию.

Так как в то время о библиотеках и не мечтали, то становится очевидным, что кругозор очерских служащих того времени не расширялся дальше Очера. Это было выгодно помещику и его агентам.

Сталинский ударник. – 1940. – 18 декабря.

СОЗДАДИМ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Очерское краеведческое общество приступило к сбору экспонатов, документов и фотографий, отражающих историю Очерского района. Таким образом, кладется начало

краеведческому музею. Любителями краеведения уже доставлено много различных экспонатов, в том числе, кости доисторических животных, старые книги, документы строгановской вотчины и т. д.

Общество обращается к школьным работникам, избачам, председателям сельсоветов и колхозов, к руководителям заводов и учреждений, ко всем любителям краеведения, старожилам Очера и Павловска, принять активную помощь в организации музея.

Каждый документ – фотография, старинная книга – представляют большой интерес для изучения прошлого района. Такие предметы сохранились у очерцев, особенно тех, кто жил в Очере до революции.

Общество просит передавать ему все материалы, имеющие историческую и краеведческую ценность, с тем, чтобы они стали достоянием всех трудящихся.

Сталинский ударник. – 1941. – 2 февраля.

ВОСПИТЫВАЮ ПАТРИОТОВ РОДИНЫ

Профессия учителя, как никакая другая, отличается одной особенностью: каждое знание, к какой бы отрасли оно не относилось, как бы далеко на первый взгляд оно ни отстояло от предмета, преподаваемого учителем, входит в арсенал его труда, как боевое оружие. Чем выше знания педагога, чем богаче его опыт, тем выше его авторитет, а стало быть, и сильнее влияние его личности на воспитуемых.

Профессиональная честь педагога всегда тревожит меня, заставляет глубже проникать в мир науки, явлений жизни и толкает на смелые творческие дерзания в труде.

Я – преподаватель средней школы по физике. Никогда не ограничиваюсь на уроке рассказом и объяснением материала. Через проведение опытов будить творческий интерес у воспитанников – вот моя цель. Руками учеников для физического

кабинета школы создано свыше 1000 приборов (до 140 разновидностей их). Сам лично сконструировал 86 приборов. Свою работу я описал в брошюре «Опыт оборудования физического кабинета силами учеников». 286 наших самодельных приборов находятся в Молотовском институте усовершенствования учителей с описанием 46 конструкций из этих приборов.

Воспитанникам я прививаю любовь к радиотехнике. Больше 100 моих учеников являются командирами войск связи, танкистами, авиаторами. Они поддерживают со мной регулярную письменную связь и осаждают запросами по радиотехнике, общей технологии и механике. Наиболее часто приходится давать «консультации» капитану Ильюше Токареву, лейтенантам Тиунову и Балахонову, смелому летчику Алику Пьянкову, генерал-майору Ване Кузнецову, генерал-лейтенанту Васе Нарышкину. В числе моих «вопрошателей» имеется и генерал-полковник Герман Маландин. С пятьюдесятью бывшими учениками, ныне бойцами и командирами Красной Армии, я веду регулярную переписку. Их письма полны самой искренней признательности своему старому учителю.

Интересуюсь я и краеведческой работой. В нашем районе я обнаружил, извлек и описал остатки «Риноцерос тихоринус» (носорог шерстистый третичного периода). В верховьях Песчаного лога (вблизи Павловска) я обнаружил перекись марганца. Описал высококачественный известняк дер. Отрубьянка, Пахомовского сельсовета, выполнив предварительно технический анализ его в лаборатории Н-Тагильского завода. Установил общие пределы распространения высококачественных известняков от дер. Рогали до пристани Табор.

Обработал исторически и литературно «Книгу лицевых счетов Очерского окружного правления графини Н. П. Строгановой за 1858 завар» (год).

Приличное знакомство с шестью различными языками дополняю изучением английского языка и англо-американской технической литературы.

Изучаю приемы инструментального счета (логарифмическую линейку и арифмометр).

Двенадцать лет работаю над темой «Влияние переменного магнитного поля на растительные и животные организмы», сконструировав для этого специальную аппаратуру и получив специальное задание Молотовского мединститута.

Время покрывает сединой мою голову, но не остужает сердце.

Слова вождя вливают новую струю сил. С упорством молодых берусь за свой любимый труд. Заслуженный отдых потом, когда будет опрокинут враг. А сейчас – работа, чтобы дети и в войну росли в умелых руках воспитателя, любящего и неутомимого.

Пусть наши учителя дорожат честью учителя, высоко держат знания своего благородного труда, пусть не терпят в своей среде невежд, пусть не остаются равнодушными к тем, кто не желает учиться и совершенствоваться.

Сталинский ударник. – 1944. – 30 ноября.

МОИ ПЛАНЫ НА БУДУЩЕЕ

Первый областной съезд учителей произвел на меня неизгладимое впечатление той заботливой теплотой, которую Родина проявила по отношению к ветеранам просвещения.

Исключительную картину представляло вручение 120 учителям нашей области высоких правительственных наград.

Награжденных от имени Президиума Верховного Совета СССР и лично от имени М. И. Калинина приветствовал секретарь обкома ВКП(б) Н. И. Гусаров.

После всего, что я видел на съезде, что прочувствовал и ощутил в качестве его участника, хочется еще больше сделать для блага любимой Родины.

Уже на съезде я наметил контуры будущей работы: нужно продолжить дело помощи разоренным немецкими оккупантами школам самодельным оборудованием (в дополнение к тем 250 приборам, которые уже сданы нашей школой в фонд помощи освобожденным районам).

Эту работу следует не столько расширять, сколько углублять.

Те измерители электрических величин, которыми так восхищался заведующий школьным отделом Обкома И. А. Малафеев, нужно конструктивно улучшить и придать им большее внешнее изящество. Те пирометры и разрезы паровых машин, которые произвели такое большое впечатление на выставке, необходимо переконструировать, придав им еще большую наглядность.

Те пожелания и советы, которые даны были при осмотре наших экспонатов Н. И. Гусаровым и И. Т. Виноградовым, нужно претворить в жизнь, эффективно и разумно использовать ту материальную помощь нашему кабинету физики, которую обещал председатель Облисполкома тов. Назаровский.

Правительственная награда обязывает меня быстрее закончить исследовательскую работу на тему «Тракторное магнето в качестве универсального генератора тока для сельских школ»... Так же обязуюсь в ближайшее время закончить десятилетнюю работу на тему «Влияние переменного магнитного поля на животные и растительные организмы».

Сконструированную мною аппаратуру по переменному магнитному полю постараюсь сделать достоянием двух кафедр Молотовского медицинского института, с которыми я связан взаимопомощью, консультацией и взаимным обменом результатов общего научного труда.

Недавно открытое мной явление наиболее легкого и доступного в любых условиях доказательства материальной природы электричества, обещаю сделать, как можно скорее, достоянием общественности и научного мира области.

Свои лекторские способности я думаю использовать в интересах местного лекторского бюро в деле популяризации физики и ее применения в обороне и быту.

Сталинский ударник. – 1945. – 4 февраля.

В ОЧЕРСКОЙ ВОТЧИНЕ ГРАФА СТРОГАНОВА (ИЗ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО ОЧЕРА)

Обнаружение памятников старины

Очерская средняя школа занимает стильное здание с колоннами, когда-то составлявшее собственность Очерского окружного правления вотчины графа Строганова. В кладовке с массивными железными решетками и железным полом хранились различные документы из архивов вотчины. Часть архива размещена была в верхней пожарной башне – глядельне. Архив многократно кочевал из комнаты в комнату, и много ценных памятников уникальной старины израсходовано на обертки, выброшено и сожжено. Трех памятником помещицкой старины посчастливилось: они были использованы биологом для гербария местной флоры, и в сухом помещении биологического кабинета мне удалось их обнаружить в полной сохранности среди ботанических коллекций школы. Обнаруженные первоначально в 1927–28 году, они не были никем обнародованы и обработаны до сих пор.

Один из этих памятников носит такое заглавие: «Книга Очерского окружного правления об окладах и выдачах служащим жалования на 1860 завар». Памятник представляет лицевые счета служащих правления с подробными записями о

размерах выдач зарплаты, способах расчета, общей годовой ставкой каждого служащего и заключительным балансом каждого помещичьего привелигированного холопа. Книга содержит 221 лицевой счет, скрепленный заверкою помощника бухгалтера правления Матвея Васильевича Некрасова.

Записи выдач зарплаты строго датированы и содержат много ценных материалов для подробного анализа экономики помещичьих служащих.

Второй памятник является «Ревизской сказкой о крепостных ремесленниках Очерского железоделательного завода графини Наталии Павловны Строгановой». «Сказка» датирована 1858 годом и представляет собой официальный документ, по которому помещица сдавала своих холопов государству во время освобождения их от крепостной зависимости. Чрезвычайно своеобразен стиль этого документа, свидетельствующий о его большой давности.

Привожу характерную выдержку. «Всего же наличных мужского пола душ 1539. Всего же наличных женского пола душ 1712. Что в сей ревизской сказке все души к первому числу февраля тысяча восемьсот пятьдесят восьмого года в наличности бывшие, показаны и пропущенных нет, в том, за отсутствием Госпожи Помещицы Графини Наталии Павловны Строгановой, по представленной доверенности, данной от Главного Управляющего имением той Госпожи Строгановой, приказчик-крепостной ея слугитель Николай Александров Дьяконов руку приложил. Сказкосоставитель крепостной ея слугитель Матвей Васильев Некрасов руку приложил».

Третий документ озаглавлен «Расписание Павловского разряда за 1861 завар».

Множество бытовых подробностей, содержащихся в этих памятниках были освещены и прокомментированы деятельнейшими и престарелыми членами краеведческого кружка – Василием Осиповичем Гулиным, Петром Яковлевичем Бояршиновым, Михаилом Максимовичем Каменских и другими.

Записи, содержащиеся в трех этих ценнейших документах, и комментарии престарелых крепостных мастеровых и их потомков составили материал для этого краткого исторического обзора, посвященного прошлому Очеры.

Зарплата крепостных служителей

Всего по Очерскому правлению за 1860-й «завар» (как назывался хозяйственный год) израсходовано 20664 руб. 25 коп. Из них управляющему Егору Демидову выплачено за год 1543 рубля, иностранцу-механику Дорну 1536 руб. 56 коп. и духовенству Очерского округа 3639 руб. 71 коп.

Годовые ставки различных категорий строго дифференцированы в зависимости от усердия, изворотливости и квалификации служащих. Наиболее высокую ставку из крепостных служителей получал член правления Андрей Россомагин (540 руб. 67 коп. в год), заводский приказчик Николай Дьяконов (456 руб. 56 коп. в год) и окружной лесничий Михаил Россомагин (458 руб. 67 коп. в год). Ставки рядовых служителей помещика поражают своей мизерностью: «помощник секретаря стола распорядительного» Александр Скорынин получал лишь 20 руб. 42 коп. в год, а служащий того же ранга Петр Мельников только 6 руб. 40 коп. в год, разъездные курьеры от 6 до 27 руб. в год, сторож плотины Данила Бессонов 1 руб. 20 коп. в год, или гривеник в месяц. Землемер, носивший титул лесного съемщика, получал лишь 8 руб. в месяц. Чертежник, являвшийся заведывающим проектировочным отделом окружного правления и завода, довольствовался лишь 99 рублями 41 копеей в год.

Лекарский помощник Дружинин, выполнявший роль старшего врача заводской больницы, получал лишь 18 руб. 60 коп. в месяц, а фельдшер больницы – 6 руб. 50 коп. в месяц. Ученый лесовод, носивший звание, «лесного практиканта», получал 5 руб. 41 коп. в месяц. Старший учитель графской

школы Мельников получал 8 рублей в месяц, а рядовой учитель этой же школы Любимов – 5 руб. 60 коп. в месяц. Художник Яков Холмогоров, числившийся иконописцем, получал 129 руб. 32 коп. в год, а его помощник, тоже художник, 23 руб. 41 коп. в год.

Кучер заводской конюшни Иван Соромотин получал 2 руб. 70 коп. в год, а Иона Бояршинов, не отличавшийся ухарством Соромотина, только 2 руб. 25 коп. в год. Человек, носивший громкое звание эконома, получал лишь 60 коп. в месяц.

Опытный литейщик Павел Лунев, человек получивший специальное образование, являвшийся старшим мастером литейного цеха, получал лишь 8 руб. 60 коп. в месяц. Сельские лесничие, люди со специальным образованием, получали в год от 67 рублей. 56 коп. до 113 руб. 61 коп. Старший кассир Федор Шайдуров, через руки которого проходили сотни тысяч рублей в золотом исчислении, получал лишь 14 руб. 60 коп. в месяц.

Ставка таких «мелких сошек», какими являлись графские рассыльные, не превышала 18 коп. в месяц.

Мало зарабатывали и сорокалетние «казачки» Семен Шардаков и Ефим Шайдуров, ставка которых равнялась 45 копейкам в месяц.

Как выдавалась зарплата

Большинство служащих деньгами не получало ни копейки.

Невыгодно было Строгановым тратить деньги на своих крепостных холопов. Они платили им сеном, заготовленным крепостным людом в Путинской даче помещика, солью, добытой крепостными Усольской вотчины того же помещика, мясом, поставленным натурой крепостным людом, мукою, полученной на тучных пажитях в Сепыче и Карагае, дровами, заготовленными в помещичьих дачах крепостным людом.

Помещик деловито вел свои расчеты с привилегированными холопами: получал сено бесплатно, а платил им своим

служителям по цене в 9 коп. за пуд. Цене, сравнительно высокой, при экономической конъюнктуре того времени.

Вычеты

Даже сеном и дровами, не стоившими помещику ни копейки, графу не выгодно было платить своим служащим. Поэтому существовала тонко рассчитанная система вычетов, в результате которой «мелкая сошка» должна была искать другие источники доходов, вроде взяток с крепостных мастеровых и обжуливания их при расчетах. Были вычеты, распространявшиеся на всех служащих от крупных «карасей», вроде заводского приказчика Дьяконова или окружного лесничего Михайлы Россомагина, до плотинного сторожа Данилы Бессонова, получавшего 10 коп. в месяц.

За что вычитали?

Начинающие писцы тратят много бумаги, а где «бедному» помещику взять эту бумагу, и вот помощник контролера Николай Власов должен уплатить 1 рубль из своей годовой зарплаты в 18 руб. 85 коп., за канцелярские книги. Каждый писец, «столоначальник», бухгалтер, кладовщик должен был оплачивать из своего жалования стоимость тех канцелярских книг, которыми он пользовался по роду своей работы.

А освещение? Каждый писец, бухгалтер, письмоводитель и прочий писарский люд должен был оплачивать стоимость тех свечей, при слабом свете которых ой гнул спину от 12 до 18 часов в сутки в канцелярии сиятельного помещика.

У графа на всю огромную «округу», равную территории целого уезда, была неважная больница, весь штат которой состоял на двух лекарских помощников, фельдшера, смотрителя, кухарки и прачки. А где взять деньги на такую благотворительность? И вот все мастеровые и служащие графа

были обложены особым больничным налогом, доходившим до 0,01 части годовой платы у служащих и 1/50 у мастеровых.

У каждой должности были свои вычеты: бухгалтер Михайла Усатых много графских марок тратит на свои мемории и контокорренты – и вот нужно заставить его уплатить 14 руб. 40 коп. (около половины месячной зарплаты) на почтовые расходы. Он ездит на лошади до почты и Павловского завода: пусть платит прогоны! 5 июня он неправильно проконтролировал кассира: пусть платит 21 рубль! Он не проконтролировал Таборского смотрителя: пусть платит 1 руб. 20 коп. «прочета». Он не проконтролировал «караванного» (судоводителя,) Вертышева: пусть платит 22 руб. 22 коп. Он не «застраховал» дома крупного служащего Власова: пусть выложит 5 руб. 71 коп! Он не достаточно тонко обжулил «земские» деревни: пусть заплатит 26 руб. 75 коп. Он испортил при неумелой заводке часы: пусть-ка платит за это 9 рублей.

За Таборского смотрителя его уже штрафовали, а он опять «просчитался» и «залез в карман» бедному помещику – пусть-ка заплатит 45 коп. Он не проконтролировал отчета Путинской земской избы: взять с него 3 руб. 30 коп. Он проворонил в отчете поверенного Таскаева: взять с него самого 5 руб. 80 коп. Он плохо проконтролировал запасчика Агеева; взять с него за это 18 руб. 9 коп, да пусть заплатит еще за «дочет» 6 руб. Подсчитайте-ка, сколько вычетов пало на долю бедного бухгалтера Усатых!

А ведь это обычная картина вычетов с бухгалтеров, контролеров, счетоводов: пусть знают, что нельзя пускать на ветер графские денежки!

Мы не удивляемся тому, что «плотинный» Бояршинов должен был оплатить стоимость перегнившего каната, а «караванный» – сломанного якоря, но возбуждает глубокое удивление вычет 1/15 части годового оклада с начинающего писца Дмитрия Калашникова «за снасть». Какая такая «снасть» у писца?

А бедный учитель Михайла Мельников, получавший 8 руб. в месяц! Каких только вычетов не было с него! Разбили ученики стекло в графской школе – вычесть с учителя 23 коп. Неймется шалунам, и они снова колотят стекла – взять с Михайлы за эти стекла 1 руб. 32 коп. Учитель тратит свечи в своей школе – пусть-ка он заплатит за это $84 \frac{3}{8}$ коп. Он ведет классный журнал, но где графу взять денег на этот журнал?

Пусть-ка сам учитель заплатит за это 1 рубль! Часть денег все же приходится платить учителю, перебравшему за год «на прокорм» излишних 18 руб. 40 коп., так заставим его уплатить «добровольных пожертвований» – 2 руб. 75 коп.

Бюджет второго учителя Якова Любимова, получавшего 5 руб. 75 коп. в месяц, более прозаичен, но и с него граф сдирал за свечи $84 \frac{3}{8}$ коп, да на «больницу» $34 \frac{5}{8}$ коп.

Старший врач графской больницы – лекарский ученик Дружинин платил на содержание той больницы, в которой работал, 1 руб. $2 \frac{3}{4}$ коп., да муки выбрал, очевидно, для своих больных на 18 руб. 80 коп., соли на 12 руб. 48 коп. и говядины на 3 руб. 60 коп. Зачем графу расходовать на околевающих от каторжного труда мастеровых! Пусть сам врач кормит их!

Может быть, эти вычеты были произведены за продукты, выбранные для потребностей самого врача? Можно допустить, что врач мог съесть в четыре месяца около 31 пуда муки, но нельзя предположить, что врач с семьей, если она у него была, мог съесть в два месяца около 62 пудов соли, из которой 57 пудов были израсходованы только за один месяц.

Аренда (кортом) земли у помещика

«Жалование» не могло обеспечить пропитания семейств служащих. Помещик, очевидно, сознавал это и выходил из положения при помощи тонко рассчитанного «благодения» в духе Форда, которое духовно закрепощало служащих и создавало в их представлении иллюзию благодения помещика. Крепостной

рабочий и служащий помещика должен был каким-то образом выходить из затруднений с пропитанием семьи, так как вычеты да штрафы сводили мизерное жалование к нулю, и рабочий и служащий должен был сеять хлеб и собственноручно убирать его.

Пусть они арендуют у своего помещика землю: ведь половина Молотовской области была его вотчиною и земли не занимать стать. Пусть холоп сеет на его земле, а граф отберет за этот «кортом» те рубли, что останутся от вычетов и штрафов. Насколько это выгодно служащему с его мизерной зарплатой, другой вопрос, но помещику это было, несомненно, выгодно!

Вычеты за «кортом» земли встречаются у большинства привилегированных служащих: врач Дружинин, например, платил за аренду земли у помещика 2 руб. 50 коп., а бухгалтер Михаила Усатых – 9 руб. 82 коп.

Вычеты за долги мастеровых

Пухнувшие с голоду мастеровые влезят в долги к сиятельному помещику, а зачем графу терять свои денежки: пусть-ка «столоначальник» расчетного стола Филимонов, дававший мастеровым авансы, в один прием заплатит 29 руб. 50 коп. при месячной зарплате в 11 руб. 40 коп.! Научится «столоначальник» выбивать полученные авансы с мастеровых и исправно возвращать их в графскую казну!

Штрафы

Мало было этих вычетов деловитому помещику. Жалкие гривенники в месяц им все же приходилось платить, а это помещику с его огромной челядью невыгодно. На помощь приходят штрафы, возвращавшие в графскую казну и эти злополучные гривенники. За что штрафовали?

Сельский приказчик Александр Мудрых при месячной зарплате в 4 руб. 20 коп, уплатил за год штрафов 18 руб. 21 коп., да за «прочет» внес 12 руб. 14 коп.

Нет ни одного канцеляриста высокого и низкого ранга, которого не штрафовали бы за «поздние приходы в правление».

Каковы размеры этих штрафов? Секретарь распорядительского стола Алексей Усатых внес за опоздания на службу 4 руб. 53 коп. в год. Писец Дмитрий Калашников при месячной зарплате в 61 коп. был оштрафован за опоздания на 50 коп., за «дочет» (прочет) на 6 руб. и за испорченную «снасть» на 50 коп.

Если к этому добавить вычет за свечи 62 1/2 коп. да «на больницу» 6 1/4 коп., то что оставалось бедному писцу! Из годовой зарплаты в 7 руб. 38 коп. помещик содрал с него штрафами 7 руб. 68 коп.

Цена женской чести «холопок»

Плохо жилось помощнику контролера Петру Никулину: получал он 3 руб. 79 коп. в месяц, а штрафовали его нещадно: за опоздания он внес 5 рублей в год, за свечи уплатил 15 коп., да на «больницу» с него вычли 17 коп. Не сладко жилось и дочери отставного графского повара Ивана Мохнаткина, получавшего 54 руб. 46 коп. Красивая дочь повара Эпистимия соблазнила молодого контролера. Прельстился на женскую «лепоту» Эпистимии молодой контролер, и девица «учинися непраздна». Волнуемая стыдом и страхом за последствия своего романа, забеременевшая Эпистимия удавилась.

Отец злополучной Джульетты по своей старой протекции был допущен до грозных очей графского управляющего Егора Демидова, подробно рассказал ему о причине самоубийства Эпистимии, поведавшей на исповеди священнику о ее романе с молодым контролером (вот вам тайна исповеди!), сослался на авторитет исповедывавшего дочь батюшки Шабурова, подробно рассказавшего отцу Эпистимии тяжкие вины ее перед богом и мещанской порядочностью. Управляющий решил жестоко наказать ловеласа и послал его в конюшню к конюхам Соромотину и Бояршинову с запиской об экзекуции. Конюхи

нещадно выдрали виновника березовыми розгами (без счета, как рассказал мне Петр Яковлевич Бояршинов), а отцу Эпистимии за поношение чести дочери приказал выдать 2 рубля, которые были удержаны из жалования контролера в марте 1860 г.

Добродетель торжествует, порок наказан, но вот вам цена женской чести крепостной девушки, которой помещичий быт отказал в праве распоряжаться своим сердцем! Сухая заметка в лицевом счете Никулина «выдано на удовлетворение претензии Ивана Мохнаткина 2 рубля» завершает эту трагедию.

Сталинский ударник. – 1945. – 8 февраля, 1 марта. 5 апреля, 7 апреля.

ЦЕННАЯ ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ НАХОДКА

В 1945 году комсомолец П. Касьянов обнаружил в слюдистых песчаниках д. Ежовой, Семеновского совета залежи редкого минерала «волконскоита».

Для проверки заявки обкомом ВКП(б) была командирована комплексная геологическая экспедиция под руководством геолога А. П. Попова. Экспедиторы – геологи нашли чрезвычайно редкостный минерал тусклозеленого цвета, вкрапленный линзами в темносерый песчаник Белебеевского яруса. Характер залегания находки напоминает подобные же залежи волконскоита у д. Ефимята на речке Малой Полуденной, притоке реки Частой, впадающем в Каму.

Волконскоит – ценный минерал. Он может служить сырьем для природной зеленой краски, отличающейся предельной устойчивостью против кислот, щелочей и выцветания.

Есть основания полагать, что залежи волконскоита должны быть в слоях подобного же песчаника против деревень Самковой, Шишиг, Макаровой Горы, Низовской и Скакунов. Не исключена возможность нахождения волконскоита и в сланцеватом песчанике того же геологического яруса в террасах Билимбаихи, против деревень Билимбаихи и Комендат.

Почетной задачей пионеров и комсомольцев Семеновского сельсовета является оказание посильного содействия по обнаружению более богатых залежей волконскоита на их родных полях.

Эту работу весной нужно начать и довести до более значительных результатов, чтобы обнаружить скрытые в недрах района природные богатства.

Сталинский ударник. – 1947. – 9 апреля.

ОЧЕР ПОД ПЯТОЮ СТРОГАНОВЫХ

В 1959 году Очерскому машиностроительному заводу и городу Очеру исполняется 200 лет. Основанный графом Строгановым в 1759 году как железоделательный, ныне завод стал предприятием, дающим стране трубоукладчики, битумные установки и другие машины для строительства газо- и нефтепроводов. В связи с 200-летним юбилеем завода создана комиссия по празднованию этой знаменательной даты. Все трудящиеся города и района будут отмечать 200-летие завода как свой большой праздник.

Историческим очерком «Очер под пятою Строгановых», написанном местным краеведом пенсионером-учителем Ф. М. Малковым, мы начинаем печатать серию материалов о прошлом города и завода.

I

Современник Петра I Григорий Дмитриевич Строганов объединил все строгановские владения в одних руках и оставил трех сыновей, возведенных Петром в бароны. Сын Григория Сергей, женатый на Софье Кирилловне Нарышкиной, жил на широкую ногу. Он построил великолепный дворец на Невском проспекте, загородную дачу на Черной Речке, создал знаменитую картинную галерею Строгановых и влез благодаря этому в ужасные долги государственному банку.

Сын Сергея Александр Строганов женился на двоюродной сестре императрицы Елизаветы Петровны и получил от нее графский титул. Он тоже не стеснял себя в средствах, пополнял картинную галерею, создал богатейший нумизматический кабинет и выплачивал отцовские долги. Графу нужны были колоссальные деньги, а для добывания денег нужны были новые рабы. И вот 9 июня 1759 года императрица Елизавета издает специальный указ о разрешении Строганову построить на нежилом Очерском урочище железоделательный завод.

Очерское урочище в императорском указе было названо нежилым, а в действительности в лесной глуши по реке Очеру и другим рекам Очерского округа скопилось много прибылого народа, не попавшего в писцовые книги и ни за кем не закрепленного. Причиной появления завода на маленькой речонке Очер было закрепощение беглых старообрядцев, раскольников и сектантов самых диковинных разновидностей, упорно уклоняющихся от всяких переписей и регистраций.

Строганов получил закрепительный указ на Очерское «нежилое урочище» в 1759 году, а через два года (в 1761-м году) завод уже был пущен в ход. К этому времени была построена плотина длиной 260 сажен, шириною в основании 17 сажен, и вверху – 12 сажен и высотой 5 сажен, построены вешняжный (большой) прорез, малый прорез, два деревянных корпуса для кричного производства с 7-ю горнами, 7-ю молотами и клинчатыми мехами при каждом горне, кузница с тремя обыкновенными и двумя якорными горнами, необходимые для завода служебные и жилые постройки.

Для работы по организации нового завода Александр Строганов «предписал» управляющему Федору Дмитриевичу Ваулину взять из Добрянки, Усолья, Слудки, Билимбая и других заводов помещика 1107 ремесленных крепостных. В их состав входили 50 вагранщиков, 50 прокатчиков, 100 горновых для облегченных горнов и 50 горновых для якорных горнов, 200 кузнецов, 100 слесарей, 100 каменщиков, 84 человека кричных

мастеров и подмастерьев, 20 пилоставов, 200 плотников и 200 человек разнорабочих.

II

Первое время работала только лесопильная фабрика. Усиленно вырубался лес для деревянных корпусов вновь возникшего завода и домов ремесленников.

Приписка черносотенных староверов к новому заводу потребовала вмешательства полиции, и тут вдруг появились слухи о том, что император Петр Федорович не только жив, но и находится на Урале. Деревни по Очеру еще не закреплены достаточно твердо, но новый завод уже производит впечатление хорошо работающего предприятия. И дальновидный Строганов сдает в 1771 году свой новый завод в аренду на шесть лет денежному мешку из Армении, более храброму, менее напуганному взрывом народной ненависти крепостных – гофювелиру Лазареву.

Уже через два года после сдачи в аренду завод в Очере «находился в опасности от самозванца Емельки Пугачева, блуждавшего около Осы и дворцового села Сарапула». Пугачев не был в заводе, лишь небольшой отряд пугачевского полковника Фотея Тетерина и его сына Осипа был в селе Острожке, не причинив ей особенного вреда.

Общее количество строгановских людей в отрядах, сражавшихся с пугачевцами, из Карагая, обвинских деревень и Острожки не превышало 400 человек, а очерских (тогда лазаревских) деревень под командою Прядильщикова и Пищальникова доходило до 860 ратников.

Как относилось крепостное население к защитникам барского добра? В деревнях Шанатовой и Дреминой участников строгановских отрядов «били смертным боем», а одного из них (Носкова) мучили не на живот, а на смерть, и выбили ему глаза. Общие потери строгановских и лазаревских людей, боровшихся с отрядами пугачевцев, управляющий Волегов исчисляет в таких

цифрах: попало в плен 154 человека, убито 6 человек, 26 человек ранено, 9 человек пропали без вести, потеряно 16 фузей и ружей и 1 пистолет.

Когда мятежники были побеждены, мятеж со страшной жестокостью подавлен, а Пугачев казнен, граф, оправившийся от страха перед пугачевщиной, снова взял от арендатора Лазарева свой завод в Очере в свои руки в 1777 году.

III

В связи с новым административным делением Очерский округ из Кунгурской провинции Казанской губернии был переведен во вновь созданный Оханский уезд Пермского наместничества. Чтобы приручить новую администрацию, граф Строганов летом 1781 года посетил свой Очер и так рачительно спланировал работу Очерского округа, что рабочим завода и вновь приписанным к заводу староверам стало невмоготу.

В два года было нарублено и связано в плоты много леса в Пурге, Пахомовой, Березовой, Балуевой, Карсоновой, Черной, Лужковой. Плоты неосторожно (а верней всего преднамеренно) царапали своими якорями мертвый брус большого прореза и в конце концов выворотили его. Судьба сжалилась над очерскими крепостными: 5 мая 1783 года был разрушен большой прорез плотины. Солидный пруд, от которого зависела вся работа завода, утратил свое значение. Молоты и воздухоподача к горнам были обречены на бездействие.

Восстановление завода было поручено горному чиновнику Ромадину в 1794 году. Производительность завода благодаря реставрированному большому прорезу была резко поднята. В заводе была устроена лесопильня на две рамы и большая мукомольная мельница.

IV

Во время войны с Наполеоном владельцем Очера и других владений Александра Строганова сделался барин-якобинец Павел

Строганов. Он не оказал заметного влияния на экономику своей захолустной вотчины, но в судьбе его было много любопытного.

Юноша Павел Строганов был воспитан французским гувернером Шарлем Жильбером Роммом, знаменитым деятелем Великой Французской революции и членом конвента. Воспитанник Ромма, Поль д'Очер, как называл себя молодой барин в Якобинском клубе, принимал активное участие в Великой революции, участвовал в штурме Бастилии, был библиотекарем Якобинского клуба, участвовал в революционных демонстрациях на парижских улицах, носил фригийскую шапку освобожденного раба, пел Марсельезу и кричал: «Долой тиранов!» Из рук Барнава Павел Строганов 7 августа 1790 года получил билет Якобинского клуба с его знаменитым лозунгом: «Жить свободным или умереть, сражаясь!» За это барина в возрасте 20 лет послали в ссылку в деревни отца.

Четыре года провел Павел Строганов в Очере, Ильинском, Добрянке, Кыну, Билимбае. После возни с большим прорезом ссыльный барин деятельно принялся за устройство вододействующей лесопильной фабрики и мукомольной мельницы. В присутствии ссыльного барина в 1795–96 годах крепостные землемеры Лукин и Пантюхин произвели «генеральное отмежевание» Очерской дачи для выяснения качества и количества лесов на территории барских владений. Из 4 лет, проведенных Подем д'Очер в ссылке, он в четыре отдельных посещения прожил в Очере около полутора лет.

Если барин-холостяк довольствовался «приезжей квартирой» (здание военного комиссариата, построенное в 1762 году), то после женитьбы на княжне Софье Владимировне Голицыной ему «понадобилась более обжитая квартира». Господ устроили в доме управляющего (второй корпус первой десятилетки), а потом в полудостроенном барском доме (родильное отделение больницы).

В ссылке Павел Строганов не забывал и идеалов своей парижской юности, но эти идеалы он облакал в непонятные

очерцам масонские клубные мистерии. В 1794 и 1796 годах в Очере было проведено два собрания масонской ложи, на которых был проведен прием новых членов, и несколько интеллигентных дворовых на этих собраниях механически выбыли из крепостного состояния (Прядильщиков, Волегов, Вологдин, Поздеев, Теплоухов). Графу-отцу и экс-барыне, матери якобинца, сообщили об этом из Очера и Ильинского.

Боязнь потерять многих интеллигентных холопов заставила старого графа ходатайствовать о возвращении ссыльного сына-революционера в Питер. Ходатайство отца было удовлетворено царем. В 1797 году молодой Поль очутился в столице с клеймом и славою якобинца... и сделался интимным другом наследника престола, которого Поль считал недоучившимся учеником Лагарпа, недопеченным швейцарским гражданином и прусским капралом.

Гамлет в роду Строгановых, Павел Александрович намечал много добрых мероприятий, но не осуществил их из-за противодействия отца, умершего за 6 лет до смерти своего либерального сына. Спасаясь от долгов отца, матери и деда, Павел Строганов все время провел в седле, воюя то с Наполеоном, то со шведами, то с турками и ничего не сделал для облегчения участи своих крепостных.

В 1817 году Павел Строганов умер на пути в Копенгаген, отправляясь в добровольную (а может быть, и принудительную) ссылку, а руководство огромной вотчиной еще при жизни либерального барина перешло в руки его жены Софьи Владимировны.

V

Шесть миллионов долгов мужа заставили жену Павла Строганова заняться крепостным законодательством и мудрым хозяйствованием в своем огромном имении, хотя в Очере все это делалось руками приказчика Афанасия Федоровича Прядильщикова (отца пермского летописца). В 1812 году был

благоустроен малый прорез, которому была придана фигура ларя с хорошей подводящей трубой–водоходом, а на всем пути направленной по этому руслу воды поставлено несколько металлических и деревянных нижнебойных колес.

Для увеличения гидравлической мощности пруда в Очере крепостной гидротехник Иван Федорович Бушуев составил грандиозный план соединения Очера с рекою Чепцою. План соединительного канала был утвержден старым графом, основателем Очерского завода Александром Строгановым в 1806 г., а в 1813–14 годах Бушуев приступил к осуществлению этого плана. По самому скромному расчету на водоразделе Камы и Вятки было вынуто и перевезено 400 000 кубических метров грунта.

Дело было сделано, а результат осуществленной затеи местный летописец оценивает такой фразой: «В 1813–14 годах по проекту И. Ф. Бушуева сделана была много стоящая народу бесполезная прокопъ между реками Очером и Чепцой». Никакой добавочной воды и никакого добавочного дохода Строганов не получил. Главная досада для барина сводилась к тому, что чепецкие удмурты, ради закрепощения которых была предпринята эта афера, уже были закрепощены за Пастуховым, Пономаревой и Кропоткиными.

Бушуеву дали возможность «выправить свою репутацию» в специальности, близкой к его чепецкой затее: он осушил левый берег Очера, сделав сплошное болото ниже нового завода хорошим барским лугом с богатыми травостоями. А умный приказчик Афанасий Прядильщиков, частично ответственный за чепецкую затею, смог доказать свою деловитость тем, что в 1815 г. построил барину в Очере фабрику для проката шинового и листового железа и особое заведение для оточки валов. В качестве двигателя этой фабрики было поставлено металлическое верхнебойное колесо Понселе, замененное потом турбиною Жонваля и целый ряд нижнебойных колес по всему водоходу малого прореза.

VI

Железо почти не имело сбыта, цена на него благодаря континентальной блокаде упала смехотворно низко, но «фабрика» Строганова в Очере все увеличивала его выпуск. Билимбай слал так много чушек и болванок, что эта фабрика не справлялась с прокатом. Собственные и отцовские долги, содержание разведенной жены и сына Павла с его дорогими репетиторами-французами заставили Александра Сергеевича Строганова изыскивать новые доходы кроме железа и леса. Ловкий приказчик Прядильщиков подал барину мысль компенсировать затруднения со сбытом железа постройкою нового железоделательного завода.

Идея ненужного вспомогательного завода увлекла старого царедворца из-за того, что вспомогательный завод создает юридическое основание для приписки новых черносотных староверов. Этот расчет на «приписку» шерьинцев и ошапцев был главной причиной строительства вспомогательного завода при плотине Бурдинской мельницы в 1816 году.

В 1817–19 годах во вспомогательном Павловском заводе построена вагранка, созданы слесарный и шпикарный (гвоздарный) цехи, появился план нового заводского поселка, создана первая улица, появилась дорога в село Лысьву (Вознесенское).

Что же делал вспомогательный завод вельможного барина?

Он катал железо из болванки, присылаемой Очерским заводом. Очер посылал сутунки полосового железа, которые здесь прокатывали в кровельное толщиной 0,3–0,5 миллиметра. Для этого в новом заводе имелось шесть прокатных станов с шестью калильными печами, два разгонных молота, пять правежных (гладильных) молотов, четыре листопробивные печи, четверо листообрезных ножниц.

VII

В Очерском заводе при Прядильщикове же были усовершенствованы механизмы подачи воздуха, построены вспомогательные цехи: литейный, слесарный, шпикарный (гвоздарный), модельный и шорный.

С 1820 года начала работать графская начальная школа для детей служащих. Она была запланирована на 34 ученика, из которых 12 учеников «на господском содержании», а 20 учеников «своекоштных» из служительских (дворовых) детей, которых обучали чтению на русском и славянском языке, письму, сокращенному катехизису, арифметике и священной истории.

С этого же года в Очере была открыта графская больница. Она была рассчитана на 10 коек, обслуживаемых врачом, двумя фельдшерами, хозяйственником, кухаркою и поварихою. Вычитал барин на эту больницу с крепостных ремесленников и служащих до 600 руб. в месяц, а платил всему обслуживающему ее персоналу 47 рублей в месяц.

В 1819 году были разработаны планы и штаты Очерского и Павловского заводов. Эти планы предусматривали выпуск на продажу из обоих заводов полосового железа 27 000 пудов, шинного – 14 000 пудов и резного 56 000 пудов в год. Для этого из барского Билимбае с огромными трудностями по Чусовой и Каме ежегодно доставляли 148 000 пудов чугуна.

В планах очень точно указано, сколько рабочие должны делать в день и сколько зарабатывать. В котельной и резной фабриках, например, где была поденная плата, за рабочий день мастеру платили 40 коп., подмастерью – 30 коп., помощнику подмастерья – 25 коп., и подручному работнику – 15 коп. в день. Караульщики и сторожа получали 3 руб. 50 коп. в год, а будильщики – 14 коп. в день.

Планы с расценкою работ были написаны, отпечатаны, разосланы по местам и широко разafiшированы.

Однако вскоре расценки были резко снижены. Через три года после широковещательных планов крепостные мастеровые

холодных цехов зарабатывали от 3 до 5 копеек в день, в горячих цехах – от 3 до 8 копеек в день. С 1840 года по 1859 год плата в холодных цехах была повышена до 8 коп. в день, а в горячих цехах – до 10 коп. в день.

До 1843 года продолжительность рабочего дня для ремесленников не была ограничена, а в этом году она была декретирована законом (10,5 часов в сутки), хотя строгановский управляющий Яков Волегов заявлял и после этого, что «его рабочие отрабатывают свой урок в 11, 12, 16 часов и более» (фраза из его отчета).

Вот что пишет в своих воспоминаниях об очерских ремесленниках сын крепостного учитель Павел Андреевич Скорынин, сидевший в тюрьме за революционную работу: «Работали с 5 часов утра до 5–6 часов вечера зимой, а летом – до 7 часов вечера. Отпуска рабочему не полагалось. Если рабочий не выйдет на работу без уважительной причины, то были телесные наказания от 5 до 50 ударов розгами и сдача в солдаты».

Мизерность платы за работу сопровождалась многими пенями и штрафами: за невыход установленной нормы продукта, перерасход угля, смазки, утрату продукта, за которую отвечали целым станом, горном и даже цехом.

VIII

Что же давал Очерский завод Строганова? В 1820 году он выковал и прокатал 117867 пудов железа, в 1840 году – 152486 пудов, в 1860 году оба завода (Очерский и Павловский) дали 235436 пудов. Отчет за 1897 год, когда барин искал покупателя на свои заводы, утверждал, что Очерский завод выковал пудлинговых кусков 432926 пудов, кричных кусков 116056 пудов и прокатал кровельной и посудной болванки 469071 пуд, кровельного железа 24930 пудов.

Как менялся численный состав рабочих? В 1759 году завод начал свое существование при наличии 1107 мастеровых, переведенных из других заводов Строганова, а в 1897 году «на

обоих заводах обращалось 1113 человек». Если разницу в 6 человек не принимать в расчет, то завод начал работу с тем же количеством рабочих, с каким закончил свое 152-летнее существование в руках именитого помещика.

В 1830–40 годах условия сбыта железа улучшились, поэтому в 1835–1842 годах оба завода были снабжены каменными корпусами вместо деревянных. В 1849 году в Очере создан куимоватский кричный цех по образцу такого же цеха в Нижней Туре, построенного мастером Куимовым.

IX

Пятидесятые годы прошлого столетия¹ были связаны с ожиданиями освобождения от крепостной зависимости. Даже эти ожидания были связаны с жертвами барского произвола. Первыми пострадавшими за «волю» были крепостные кучера ямской нашего завода Иван Лобов, Яков Селиванов, Федор Бубнов, Петр Вшивков и мастеровой Бояршинов, выпоротые заводским исправником приставом Поповым и заводским надзирателем Казаковым за распространение слухов, способных вызвать неповиновение крепостных ремесленников и барщинных мужиков.

Объявление манифеста о воле тоже потребовало особых жертв. Двое мастеровых завода были выпороты приставом Поповым «за неуместный вопрос в церкви о том, подлинный ли манифест им зачитал батюшка Федор». Управляющий Егор Демидов в своем отчете об объявлении манифеста писал в Ильинское: «Мастеровые не уверились в подлинности им объявленного манифеста и правил».

Мастеровые Очера и Павловского и все волости нашего округа отказались от принятия уставных грамот, которыми устанавливались новые отношения между барином и

¹ Речь идет о XIX веке (прим. сост.)

крепостными, а мастеровые обоих заводов отказались от полевых наделов и оставили за собою лишь усадьбы (одворицы).

В марте 1863 года на сходе рабочих Очерского завода мировой посредник потребовал от них «сделать раскладку повинностей за усадьбную оседлость, но они упорствовали в исполнении этой обязанности». Рабочие повздорили с казачьим отрядом, оказали ему противодействие, поэтому ремесленники Петр Гулин, Дмитрий Томилов и Яков Чазов были арестованы и осуждены к тюремному заключению.

Барщинные деревни тоже оказали неповиновение. В волостях Спешковской, Дворецкой, Острожской, Путинской и Кулямской дело дошло до открытого бунта и избиения казачьих и полицейских отрядов. Многие люди поплатились за это тюрьмою, а деревни – военными постоями за отказ засеять поля и выплачивать недоимки.

Трагедия бывших мастеровых обоих заводов после 1861 года заключалась в том, что одна треть их после реформы не получила работы на барском заводе. Оказавшиеся не у дел крепостные ремесленники блуждали в поисках заработка по многим заводам Урала. Безработные очерцы и павловцы перебивали в Югокамске, Майкоре, Чермозе, Лысьве, Чусовом, Пашии. Работу нашли лишь немногие, остальные должны были перебиваться случайными заработками и идти к местным владельцам кустарных мастерских Балахонову, Полюдову, Чудинову.

Х

В 1877 году был реформирован большой прорез Очерского пруда, заново переделанный плотинным мастером С. И. Полюдовым. Прорезу придана более солидная внешность благодаря двукратному приезду барина с его воспитанниками – сыновьями императора Александра II. Царевичи осматривали лесные диковины, с которыми возился старик-лесничий, закрашивавший деревья на корню для имитации дорогих пород.

В 1883 году Очер и Павловский соединены телефоном. Последняя работа, проведенная барином в Очере, сводилась к ремонту малого прореза в связи с установкой новой трубы для турбины Жонваля вместо колеса Понселе.

Во время ремонта были изуродованы рабочие Василий Васильевич Томилов и Егор Семенович Бессонов, оставшиеся калеками на всю жизнь. Пенсии они от барина не получали, так как «несчастье произошло по их собственной вине».

Начиная с 1898 года, барин не делал никаких затрат на свои заводы, не дававшие ему много дохода из-за того, что в технологии и экономике их он ничего не смыслил. Сильно напугала барина и революция 1905 года, когда народ самовольно рубил барский лес, бил барских лесных служащих, захватывал барские покосы и пашню.

Относительная бездоходность заводов, примитивность оборудования их, дороговизна выпускаемой продукции и невозможность выдерживать конкуренцию хорошо оборудованных южных заводов заставила барина усиленно искать покупателя на свои захиревшие заводы. Для этого Строганов провел в главные воротилы местного земства своих бывших служащих Якова Морозова и Михаила Постникова, а в губернское земское собрание в качестве гласного своего служащего Алексея Власова. Они устроили для барина выгодную продажу обоих заводов Оханскому уездному земству в 1911 году.

Но и приняв решение о продаже заводов, барин остался верен традициям своих предков не продавать плотины, пруда и основных каменных корпусов заводов, а сдать их пока в аренду в расчете на нового Михельсона, который покончит с наследием первой революции, подобно тому, как это получилось после Пугачева. Но такой тонкий ход, сделанный его предками в 1771 году, на этот раз не оправдал себя: заводы окончательно уплыли от барина в 1917 году.

Много Строгановых перебивало в качестве пауков-кровососов в долине Очера, но даже такой барин, как Павел

Строганов, немало видевший и испытывавший в своей недолгой жизни, не заслуживает титула предшественника Герцена.

Очерцы знали, что за увлечения своей юности Павла высылали из столицы, но высылали в свои же имения. А разве это ссылка? Ремесленникам говорили, что барин свобододлюбивый, а их морят на работе по 12–16 часов в сутки, за опоздания на работу, косой взгляд на мастера и пересиженную в отхожем месте лишнюю минуту нещадно штрафуют, за испорченный и изношенный инструмент дерут его стоимость «по ценам продажным». На ссыльного барина работали 84 тысячи крепостных, а удосужился он освободить своими масонскими причудами лишь пятерых. Несправедливо наклеила история ярлык «русского якобинца» на очерского барина.

Так через 158 лет закончились долгие годы дикого барства, ссылок в сибирь и сплошных порок за невыработку нормы, за косой взгляд на барского холуя. Только камни и кирпичи старых заводских корпусов напоминают очерцам об этом бесправии, унижении человеческого достоинства, непосильной одуряющей работе на барина.

Ленинское знамя. – 1958 – 15 января, 17 января, 19 января, 29 января, 31 января.

ПАМЯТНИК ВРЕМЕН ДИКОГО БАРСТВА

При посещении областного краеведческого музея группа очерских экскурсантов обратила внимание на скромную канцелярскую книгу с таким прозаическим заглавием: «Алфавитная штрафная книга Верх-Очерских деревень земской избы на запись судимости крестьян ВерхОчерского ведомства, штрафов и взысканий по приговорам правительства, постановлениям правления, третейского суда, Очерской судной расправы и сей земской избы».

Записи этого зловещего памятника начаты в мае 1848 года и закончены в 1868 году, а по немногим семьям – лишь в 1873 году.

Волостное начальство, продолжая записи в книге после крестьянской реформы, не смущалось тем, что после 1861 года помещичьи штрафы и наказания отменены. Оно знало, что после 61-го года «вместо барина драть будет волостной», драть с таким же усердием, как и при барине.

Верх-Очерская земская изба (предшественница волостного правления) представляла одну из 8 подобных же «земских изб» на территории Очерского округа владений Строгановых. Верх-Очерское «ведомство Строгановых» простирало свою власть на 8290 человек деревенских крепостных из общего числа их 86000 человек. Значит, мерзости крепостного права, записанные в этой штрафной книге, не охватывали и десятой доли всех поруганий человеческого достоинства, которые можно было наблюдать в строгановских владениях.

Эти мерзкие издевательства над людьми можно разбить на несколько отдельных групп. Была группа наказаний за грубость и неповиновение «мирскому начальству». За что пороли эту группу крепостных?

Ефима Петровича Бурдина выпороли 20 ударами за грубость мирскому начальству, а так как он не проявлял особенной покорности после этого, то его еще выпороли. Николая Андреевича Вшивкова выпороли 30 ударами за грубость в курене с лесным смотрителем. Василий Егорович Ежов выпорот в 1853 году за бегство от нарядов сотского и десятского, а в 56 году за неявку в земскую избу.

Десятки и сотни людей выпороты за доставку в завод низкосортного (мелкого, некондиционного) угля. Помощник лесного смотрителя Пермяков приказал выпороть Дмитрия Николаевича Бояршинова «за привоз мелкого угля»; заводская полиция выпорола 20 розгами Ивана Николаевича Мокрушина за то, что он «перепутал коробья с углем»; заводским разрядом выпорот Егор Васильевич Солодников 20 розгами за мелкий уголь в нескольких коробьях. Были наказаны и многие другие

деревенские барщинные за подобные же недостатки к поставке угля и дров.

Пороли не только взрослых, но и малолетних. Мальчик Павел Бояршинов выпорот за ослушание по приказанию заведующего угольным складом Пьянкова.

И обиднее всего было то, что угольная и дровяная повинность, как описывает И. В. Вологдин, была «бесплатной, добровольно принятой очерцами».

Много было всякого начальства у деревенского народа – староста, бурмистр, лесной смотритель, заведующий угольным складом и даже жена десятского. И все они в меру своих прав пороли крепостных деревенских мужиков.

Большим преступлением в крепостное время была отлучка из деревни без надлежащего разрешения и побег из своего дома. За одно намерение к побегу со «злонамеренным мастерovým» Осипом Казымовым барщинного Степана Ивановича Бояршинова барин сдал в солдаты. Заводской исправник приказал выпороть розгами замужнюю жену Анастасию Бояршинову «за кратковременную отлучку из жительства без разрешения начальства и мужа».

По приговору уездного суда в тюремном замке отсидели по 5 суток Тимофей и Фадей Гилевы, Прокопий Ежов и Федор Каменских за самовольную отлучку в Пермь.

Наказывали не только за намерение бежать от помещика, а даже за отлучку от зажиточного деревенского богатея, к которому был «занаряжен на срок» крепостной, за малейшее проявление непокорности и бунта.

Так был наказан пятью розгами Михаил Афанасьевич Голдобин за отлучку от хозяина Егора Кононова. Егора Лузина наказали за то, что он «склонял работников Данила Пепеляева к повышению заработка и требованию хлеба».

Еще решительнее расправлялись за всякое покушение на барское добро. Особенно пресекалось «мошенничество с бирками и квитанциями». Так, Федор Самойлович Бурдин выпорот в 1848

году 40 ударами розог за намерение обмануть барина на отработке лесной барщины.

Много народа было наказано за самовольную расчистку леса под пашню. Приведу несколько примеров из множества таких случаев. Были наказаны розгами Семен Лузин и его сын Афанасий «за самовольную расчистку господского дровосечного места». За такое же «преступление» 10 ударами розог наказан Федор Михайлович Мелентьев, Иуда Попов, Владимир Поносов, Евдоким Поносов и Петр Пепеляев, а за расчистку большой площади графского леса Матвей Попов наказан 20 ударами розог по приговору судной расправы.

За избиение лесного сторожа Якова Степанова, оказавшегося «верным барской присяге», нескольких человек осудили на три недели принудительных работ в барском заводе. 20 ударами розог были наказаны лесные сторожа Миней Михалев и Григорий Штенцов, обвиненные в пьянстве и слабом наряде людей на пожар.

Целый ряд наказаний относится к взысканиям за нарушение правил религии. Полиция выпорола 25 ударами Савву Печенкина за погребение умершего отца «без отпения», а смотритель Власов приказал выпороть 15 ударами церковного сторожа Аксена Шардакова «за сокрытие родившихся и умерших староверских младенцев в деревне Лужковой.

Наибольшее количество «преступлений» против религии относится к так называемым «сводным бракам» старообрядцев. Никифор Путин выдержан в тюремном замке 2 недели в 1852 году «по решению правительства за допущение сына в сводный брак».

Множество народа выпорото за проступки против правил благопристойности. Сюда относили прежде всего пьянство. Девять забубённых пьяниц были по два раза выпороты розгами, а молодые пьяницы Семен Пономарев и Егор Тетенев после двух порок на деревенской сходке сданы вне очереди в солдаты на 25 лет.

Преступлением против благопристойности признавалась «связь» с подозрительными людьми» (так обычно называли похитителей барского леса и людей, замешанных в кражах).

Наказывали и за кумышковарение. На самогонщиков Соловаровых наложен штраф по 9 рублей, а Корнил Шмырин выпорот за самогонку 45 ударами розог по приговору Пермской палаты уголовного суда.

Можно обособить большую группу крепостных хозяйств (84 домохозяина), которых планомерно «смирjali» наказаниями до полного уничтожения строптивости. Дело начиналось с пустяка: барщинный сбежал с лесной работы из барского куреня, не сдал положенной нормы дровяной или угольной заготовки.

Целой серией порок строптивного крепостного приводили к покорности. За что только не пороли «непокорных»! Родиона и Сидора Тиуновых выпороли «за увоз чужой жены в пьяном виде».

Петра Каменских выпороли «за вход в питейное заведение», Василию Торсунову дали 20 розог за его отказ произвести семейный раздел с братом, а Артемия Соромотина, Ефима Бурдина и Василия Бурдина, наоборот, выпороли за самовольный раздел с братьями. Прохора Носова заподозрили в краже барского железа; после нескольких порок барин сдал его в рекруты вне очереди.

Чрезвычайно мизерными были проступки трех крепостных, которые поплатились за них очень жестоко. Дочь Василия Бурдина украла овчины у барского служителя Жизнева, Никита Бояршинов «приставал к девке Федосье Бояршиновой», а Иван Ежов украл воротник у торговца Заварина. Все трое в конце концов угодили в Сибирь.

В качестве примера планомерного истязания строптивых можно указать на многострадальную чету Леонтия и Татьяны Четиных: 100 розог им дали за ослушание начальства, за связь с подозрительными казенными крестьянами (их почему-то

помещик боялся), за ложную жалобу исправнику и даже за «небытие отродясь у исповеди».

Особенно жестоко наказывали людей за кражи. 59 семейств многократно пороли за покушение на барское добро и имущество соседей. Некоторые «воры» напоминают героев чеховского рассказа «Злоумышленник». Акулина Спехова отняла соль у постороннего ребенка и получила за это высидку в земской избе. Дмитрий Бояршинов стащил старую доску от мельницы и тоже получил за это высидку. Григорий Лабутин за чугунку из чужой бани получил 30 розог, а Егор Соромотин за кражу 12 копеек – 12 ударов розгами. Евтихей Носков украл свои собственные сани, отобранные у него при порубке дров из барского леса и получил за это 25 розог...

600 страниц убористых записей увековечили позор и глумление над крепостными только по Верх-Очерскому «ведомству» Строганова. Я сколько таких записей было в 54 других приказничествах этого же барина! Мы с гневом смотрим на то, что над крепостным человеком можно было так издеваться.

Любая страница этой страшной и позорной книги воскрешает в памяти крепостную деревню старого времени, где «барство дикое, без чувства, без закона, присвоило себе насильственной лозой и труд, и собственность и время земледельца». Многие очерцы найдут в этих позорных записях имена своих дедов и прадедов. Позор прошлого еще выше подымает величие настоящего времени.

Ленинское знамя. – 1958. – 26 февраля, 28 февраля.

КРЕПОСТНЫЕ МАСТЕРОВЫЕ ОЧЕРА

В 1814 году граф Павел Строганов и его жена Софья поручили заведывание всеми своими имениями статскому советнику Сергею Александровичу Игнатьеву, человеку сведущему в горном деле и металлургии. Игнатьев в 1819 году подробно и обстоятельно разработал планы работы Очерского

завода и нового Павловского завода. Планы предусматривали общие размеры производства, нормативы и заработную плату крепостных мастеровых.

В этих планах точно указано, что в кричной работе при всех горнах на две смены в сутки мастер с подмастерьем и подсобным работником должны каждую неделю выковать 82 пуда 20 фунтов железа, затратив для этого 12,5 коробов угля. Что по первоначальному плану мог получить за это мастер и его подручные по горну?

При выполнении нормы за выковку полосового и поделочного железа мастеру должны платить (но не платили!) 4,5 копейки с пуда, т. е. приблизительно 60 коп. в день, подмастерью 3 1/4 копейки с пуда (около 43 копеек в день) и подсобному работнику 2 1/4 копейки с пуда (около 30 копеек в день). Всего по горну—10 копеек с пуда.

Другая расценка была по болваночному железу: здесь мастеру платили 6 коп. с пуда (около 80 коп. в день), подмастерью 3,5 копейки с пуда (около 46 коп. в день) и подсобному работнику 2,5 коп. с пуда (около 33 коп. в день), а всем троим по 12 коп. с пуда. Эта плата гарантирована при выпуске полной нормы доброкачественного продукта, а если был какой-либо изъян, брак в продукте, то по полосовому и болваночному железу плата снижалась. Мастер на полосовании железа с изъяном мог заработать около 20 коп. в день, подмастерье —около 13 коп. в день. И с этой зарплатой еще можно было мириться, если бы не те кары и пени, которые были запроектированы в планах и штатах 1819 года.

За что взыскивали пеню? Если нормированного выхода железа из чушек чугуна не получилось, то за излишнюю передержку чугуна взыскивали с мастера 50 коп. с недостающего пуда, с подмастерья —35 коп., и с подсобного работника 15 коп. с пуда. Если они перерасходовали норму угля, то с мастера взыскивали 45 коп. за каждый перерасходованный короб, а с подмастерья — 25 коп. Еще большие неприятности доставляла

«утрата» (очевидно, хищение) железа, за которое взыскивали по 4 руб. за пуд. хотя бы оно даже и отыскивалось.

Штраф этот изыскивался не только с провинившегося горна. Даже соседний горн материально страдал. Если и не доказано соучастие соседей в «утрате», с мастера все равно взыскивали 1 рубль с «пуда утраты», с подмастерья – 50 коп. и с подручного работника – 25 коп. с пуда.

В катальной и резной фабриках обоих заводов при выделке листового, шинного и резного железа существовала поденная плата: за рабочий день (полусуточная смена) мастеру платили 40 копеек, подмастерью – 30 коп., помощнику подмастерья – 25 коп. и подручному работнику – 15 коп.

Поденная плата существовала и в токарной фабрике при обточке плющильных валов и других крупных деталей для равных машин. Планы и оклады, написанные в агитационных целях для посторонних, оставались просто расценочными планами. В основе зарплаты мастеровых лежали издержки производства и продажная цена железа.

Сама система учета работы мастеровых исключала приличную зарплату. Вспомним, что грамотных людей среди крепостных мастеров было очень мало. Любой мастер иногда мог прочесть славянский текст, но гражданской печати не знал. А ведь он учитывал работу смены. Как это делалось? Существовала особая система «липовой бухгалтерии» (в буквальном смысле) необходимая в интересах поголовно неграмотных рядовых мастеровых. В каждом цехе были особые стеллажи, на которых хранились записи этой деревянной бухгалтерии. Здесь в определенном гнезде хранились «рубяжи» выработки продукции каждого мастерового.

Рабочий приносил с собою кусок освобожденной от коры ветки липы (лутошку), на котором он заранее насекал (вырубал) свой знак, а в конце смены мастер, принимавший его продукцию, нарезал ножовкою или ножом прямую черту при выполнении нормы и вправо от этой черты – особые условные знаки

перевыполнения и экономии, а влево – неприятную для мастерового условную черту перерасхода чугуна или угля.

Иногда влево появлялась метка, обозначающая попытку присвоения железа своего или даже соседнего горна. Вправо поощрительная черта появлялась редко, а влево какой-либо штрафной знак – почти каждый день.

Кусок лутошки раскалывался пополам, и одна половина «рубяжа» оставалась до субботы на стеллаже в цехе, а вторая половина – на руках у рабочего. В субботу из окружного правления на завод приходили четыре писца (ученики по письмоводству) под командою помощника столоначальника расчетного стола. На основании «рубяжей» они подсчитывали заработок каждого мастерового.

Было много взаимных упреков, передраг. Контролеры разбирали всевозможные казусы и обвинения верховых мастеров во взяточничестве и всевозможных несправедливостях.

Вся первая половина субботы у расчетного и контрольного столов окружного правления была занята подсчетом и уточнением заработка мастеровых. Если конфликт не был разрешен в цехе, то мастеровые могли дойти даже до члена окружного правления, хотя он 11 июня 1958 года держался по-барски и почти всегда соглашался с заключением контрольного стола.

Обидеть рабочего мог не только мастер и контролер: кладовщики по железу и чугуну могли подсчитать мастеровому недостачу, утрату, низкую сортность железа, углезапасчики – перерасходованный уголь; кладовщики – перерасходованную смазку, паклю, цинк, кислоту и т. д.

Мало ли каких «грехов» наберется у крепостного рабочего, и все они превращаются в штраф, пеню и порку. Было трудно поверить в такую сложную «липовую бухгалтерию», но в 1953 году при ремонте школы в бывшем окружном правлении помещика нашли большие связки «липовых лутошек» под полом окружного правления, и престарелый строгановский служащий

Михаил Чудинов разъяснил, что это была материальная заготовка для «рубяжной бухгалтерии».

Но вот «рубяжи» подсчитаны и после разбора конфликтов сожжены в печи. Что же в конечном счете получал крепостной рабочий? Из бухгалтерских записей известно, что в 1823 году, в пору наибольшей активности наших заводов, крепостные мастеровые холодных цехов зарабатывали от 3 до 5 копеек в день, в горячих цехах – от 3 до 8 копеек в день, а с 1840 года плата в холодных цехах повышена до 8 коп. в день, в горячих – до 10 коп. в день. На этом уровне плата сохранялась до 1861 года.

Кроме этих 3-х копеек в день рабочему давали «провианта» (муки, крупы) по 2 пуда в месяц. Давали не бесплатно, а по 30 копеек за пуд. Два пуда выдавали одиночке и многосемейному крепостному рабочему. В годы усиленного вздорожания хлеба поденную плату увеличивали, доводили до 17 копеек в день, но зато не давали хлебного провианта. Легко догадаться, что от такой прибавки платы выигрывал помещик, а не крепостной ремесленник.

В слесарном цехе завода были наштампованы особые латунные боны различного достоинства от 1 копейки до 10 копеек с такой надписью: «Г.С.О.З. год 1848 яко 8 копеек». Это значило: Графа Строганова Очерский завод 1848 года. Считать за 8 копеек». Были боны более крупного достоинства и более изящного оформления, штампованные в Добрянке, заменявшие 10 копеек, 15 копеек, и 20 копеек. Образцы этих бон можно видеть в нашем краеведческом музее.

Из донесений управляющего Якова Волегова барыня знала, что рабочий день ремесленников никогда не укладывался в 10,5 часов, и требовала дополнительных разъяснений от Волегова. Что же отвечал Волегов? «Какое у нас переобременение: рабочие отрабатывают свой дневной урок в 11, 12 и редко в 16 часов, а вон в Алапаевске рабочие отдыхают не более 4 часов в сутки, а в Тагиле мастеровые по два – по три дня сидят голодные, чуть бродят, а не смеют слова сказать и под розгами и палками

безмолвно выполняют заводские работы». И сердобольная барыня считала, что ее очерские мастеровые живут гораздо лучше рабочих других помещиков.

В записках местного учителя Павла Скорынина так сказано о прошлом крепостных ремесленников: «Работали с 5 часов утра до 5–6 часов вечера зимой, а летом – до 7 часов вечера. Отпуска рабочему не полагалось. Если рабочий не выйдет на работу без уважительной причины, то были телесные наказания от 5 до 50 ударов розгами и сдача в солдаты».

Дети крепостных ремесленников, со слов дедов, хорошо помнят, что в нижнем этаже бывшей «семидырной» (теперь химическая лаборатория) их пороли за косой взгляд на мастера, «невыход продукции», за две лишних минуты, пересиженные в отхожем месте, пороли в нижнем этаже деревянного окружного правления, пороли в каменной «волоости» (школа против лесничества), пороли у самого горна и прокатного стана, когда сюда «заносило» надзирателя заводского разряда.

Если барский холуй, вроде Николая Власова или Василия Казакова, находил, что одни розги строптивного крепостного ремесленника не исправят, то его переводили в Билимбай и Куву на «подземную работу». Только за 4 года барыня Наталья Строганова послала в Куву 12 «строптивных» мастеровых Очера. Она даже не указала исправительного срока пребывания на рудниках, а просто пояснила: «до износа», подобно полушубку или валенку.

За это же время были посланы «на огненные работы» в Билимбай Тимофей Чазов и Прокопий Бояршинов за то, что «в Воздвижение напились пьяными и не слушались своих родителей». Сотнями сдавали людей вне очереди в рекруты на 25 лет. Только за 8 лет барыня сдала в Очере 69 крепостных мастеровых. Возраст рекрутов совершенно не интересовал барыню: сдали 19-летнего Егора Норицына и 33-летнего Степана Леонтьева Чазова.

Помнят дети крепостных и «голодную волю» 1861 года, когда треть мастеровых не была принята на завод на условиях добровольного найма, помнят сутяжничество с помещиком около 1910 года, когда барин отказался давать землю на тех, кто не был в штате 1863–1869 годов. Помнят они каждый камень и кирпич в строгановских корпусах старого завода, политый их потом и забрызганный кровью их дедов.

Страшные это были времена!

Ленинское знамя. – 1958. – 11 июня.

ДЕРЕВЕНСКИЕ КРЕПОСТНЫЕ СТРОГАНОВЫХ НА ОЧЕРЕ

Тяжелое было положение крепостных заводских мастеровых, но и деревенские крепостные вельможного барина Строганова эксплуатировались им не менее жестоко.

В 1623 году на реке Очер отмечены один строгановский городок, (Оханное). один острожек (село Острожка), девять строгановских деревень и один починок, в которых обитал 91 человек. Перепись 1642 года, отметила уже 408 крестьянских душ и восемь вотчинников. Необычайно возросли имения энергичного и жадного барина-собирателя Григория Дмитриевича Строганова, который смог забрать к 1700 году 16 сел и 161 деревню, а к 1715 году довел число строгановских людей в пермских лесах до 27258 человек.

О мучениях и невзгодах деревенских крепостных можно составить представление по тем описаниям, которые оставил дворовый человек барина Федот Волегов.

Как обирал барин своих деревенских оброчных? С бесстрастностью постороннего летописца Волегов, сам сын и внук оброчного, сообщает, что «вотчинные оброчные оплачивали господского оброка деньгами по 11 рублей с души, хлебом по 3 пуда 20 фунтов ржаной муки с души, овса по 2 четверика (5,25 декалитра)».

Кроме обычного барского оброка, вотчинники вносили барину «всеуездные повинности» по 3 рубля с души, на содержание почтовых лошадей по 80 копеек с души, на содержание трактовых дорог по 25 копеек, на колодников (арестантов) 51 копейку, на усовершенствование водяных путей пять копеек. Кроме того, нужно было ежегодно вносить хлеб для пополнения сельских запасных магазинов ржи по получетверiku (1,312 декалитра) и овса по полугарнцу (1,64 литра) с души.

Но на этом не кончались ежегодные сборы с оброчных. Были введены особые домашние сборы, называемые общественными (мирскими). Сюда входили сборы на содержание церквей, причта, и домов духовенства (32 коп.), на содержание землемеров (80 коп.), на больницы, вербовку и обмундирование рекрутов, жалованье земским писарям, оспопрививателям, мельникам, сельским приказчикам, смоляные деньги и другая мелочь, которой набиралось до 2 рублей 50 копеек. Всех сборов (барский оброк, уездные и мирские сборы) приходилось до 21 рубля 78 копеек с души в год.

Казалось бы, что дальше этого уже нельзя идти в обдирательстве вотчинника. Даже опора правительства — становой пристав Юдин писал своему начальству: «Владельческие повинности (Строгановых)... увеличились до того, чтобы в два года обобрать крестьян».

Барин находил, что можно еще кое-чего выжать из оброчных крестьян другим путем. Начиная с 1823 года, в четырех «ведомствах» (приказчиествах) Очерского округа (Сепычевском, Путинском, Острожском и Покровском) окружному правлению приходилось прибегать к самой страшной повинности оброчных — посылочному зачету. Посылочным зачетом стращали оброчных и подзаводских крестьян как детей «букою». Застрачивание им способствовало исправному взносу барского оброка. Когда очерцы попадали в посылочный зачет? «Экономический устав» барыни Софьи Строгановой 93-м параграфом требовал выполнения такого обязательного правила:

«Все недоимки без изъятия за прежние годы, денежные и хлебные, должны быть непременно взыскиваемы в экономию мою без послабления».

Устав рекомендовал отбирать землю у неисправных недоимщиков и передавать ее исправным плательщикам. Если желающих взять чужой надел не находилось (соседи из сочувствия недоимщику не желали брать его землю), тогда прибегали к переводу недоимщика на барскую запашку или к более выгодному для барина посылочному зачету.

Чем был страшен посылочный зачет? Оброчного на все лето брали на заводы барина или «занаряжали» на железные караваны Лазарева, Всеволожского, либо посылали для сопровождения чугуна из Билимбая по Чусовой и Каме, либо в качестве бурлаков с барским лесом, железом и солью до Нижнего Новгорода.

Несмотря на чрезвычайную тяжесть посылочного зачета Федот Волегов оценивает его лишь в 20 рублей. Сохранилось любопытное описание того, как отбывали сепычевцы, вознесенцы, покровцы и ошапцы вспомогательные работы в Кыновском заводе Строганова. «Вотчинные крестьяне графов Строгановых обязаны были для рубки дров, жжения и вывозки угля приходить в Кыновский завод из деревень Оханского уезда ежегодно три раза, делая для этого 1800 верст, ничего при том не получая на проход... вследствие чего на обратном пути некоторым приходилось для прокармливания себя просить милостыню. Сверх того, посылаются в завод на работы даже хозяева, обремененные многочисленным малолетним семейством... почему останавливаются все их домашние работы, а иногда даже и самый посев ярового хлеба».

Мы уже указывали, что размер оброка с деревенских крепостных Строгановы доводили до 11 рублей 39 коп. в год с души мужского пола, а со всеуездными и мирскими (общественными) сборами даже до 21 рубля 78 копеек. Накануне реформы барин поощрял уплату оброков деньгами: барщинные крестьяне исполняли повинностей на сумму 20 рублей 14 коп., а

оброчные вносили в год оброка 14 рублей 22 коп. Закон, воспрещавший загружать деревенского крепостного больше 156 дней в году, Строгановы никогда не соблюдали. Срок всегда удлинялся до 190 и даже более двухсот дней.

Барщинные по обычной очереди или в виде наказания за недоделки обычно отработывали оброк на посылочном зачете в своих же дальних заводах или помещик запродавал их на целую навигацию Лазареву и Всеволожскому. Часто зачет отбывали на солеварнях Строгановых. Весной крепостных посылали для сплава соляных караванов, а зимой – для подвозки дров к промыслам. Соль грузилась на сделанные крепостными судаладьи и по Каме сплавлились на Волгу. Граф получал за соль полмиллиона в золотом исчислении, а люди, доставившие ее, возвращались обратно домой пешком без хлеба, без денег, с одной зачетной квитанцией, побираясь христовым именем.

Такою была участь крепостных сепычан, вознесенцев, карагайцев дубровчан, острожцев. Еще хуже было с посылочным зачетом в Куву, Кын, Билимбай, где крепостные рубили лес, подвозили его к этим заводам. Крепостных посылали сюда три раза в год: весной для сплава железного каравана и рубки куренных дров, осенью для рубки дров и выжига угля, зимой для перевозки угля, руды, дров и проч.

Что зарабатывал народ на этом посылочном зачете? Ему зачитывали «за пешую поденщину весной во время сева 22 копейки, до страды – 14 копеек, в страду 17 копеек, зимой и осенью – 12 копеек, за конную поденщину в весенний сев 38 копеек, до страды – 30 копеек, в страду – 35 копеек, осенью и зимой – 23 копейки серебром». Дроворубам зачитывалось по 30 копеек за сажень, а по поденной рубке – 15 копеек за день.

За сопровождение соляных караванов в 1859 году граф зачитывал «до Нижнего Новгорода – 12 рублей, до Устья Камского – семь рублей 77 копеек, до Устья Вятки – семь рублей. Но деньги эти работающим не выдавались, они шли за посылочный расчет, а для оплаты за продукты мужикам

выдавали по шесть копеек в день. Учтите, что это было в год накануне освобождения, когда помещик трепетал перед новой пугачевщиной. Учет этой тягчайшей работы был запущен, поэтому народ постоянно жаловался, что «число заработанных дней в тетради не вносится».

Конечно, плата «на дальних посылках» была низка, с этой платой барские ярыжки постоянно обжуливали народ, но посылочный зачет был тяжелым не только этим, а полным расстройством их домашнего хозяйства: их в самое горячее время (посевная, сенокос, уборка урожая) отрывали от сельскохозяйственных работ. Уходя в посылочный зачет на караваны и в лес, крепостные знали, что их семьи в этом году должны будут голодать. Они не были уверены даже в благополучном возвращении домой, так как изнурительный каторжный труд и опасность быть похороненным вместе с тонущей баркой, быть задавленным подрубленной лесиной или утонуть при ловле молевой древесины ставили под сомнение благополучное возвращение.

Участники караванов с солью, железом и лесом часто погибали от голода и болезней, а те, кто благополучно возвращался домой, заставляли свои незасеянные посевные наделы. Становой пристав Юдин, неосторожно написавший в одном из секретных донесений, что граф Строганов на посылочном зачете готов отнять у своих крепостных последнюю рубашку, был по настоянию барского управляющего Волегова уволен с волчьим билетом.

Регулировала и распоряжалась работою вотчинника сельская земская изба, которая производила раскладку и сбор помещичьего оброка, казенных и общественных податей, составляла расписание посылочных крестьян на посылочные работы по указанию барского приказчика, распределяла и отдавала крестьян в рекруты по распоряжению главного правления барина. Одним словом, земская изба осуществляла на

месте феодально крепостнические порядки. Земской избой управлял и распоряжался приказчик барина.

Его помощником был староста, формально избираемый обществом, а фактически назначаемый приказчиком из зажиточной верхушки деревни. В помощь старосте на общем сходе крестьян избирался выборный (заместитель старосты), несколько сотских и несколько десятских. Делопроизводство и всю писанину вел земский писчик с одним или двумя помощниками.

Роль писчика (писаря) как будто скромная и незаметная, а между тем именно он был главным взяточником и прижимщиком народа в земской избе. Как взыскивали оброки с вотчинников? Ежегодно (в октябре или ноябре) земская изба созывала мирские сходы, громко называвшиеся общественными советами. На этих сходах крестьяне выбирали из своей среды несколько «окладчиков», которые распределяли оброк между крестьянами всего «ведомства» (приказчиества). Окладчики учитывали «прибывшие и убывшие души», описывали урожай и производили раскладку налогов между отдельными хозяйствами. Окладчики утверждались старостой (богатым, но часто неграмотным деревенским крестьянином) и приказчиком.

При таком порядке как будто должна была соблюдаться некоторая справедливость, но ее никогда не было. Почему? Потому что в число окладчиков всегда попадали самые зажиточные крестьяне, приближенные приказчика, старосты и писаря. Всю тяжесть податей окладчики перекладывали на крестьянскую бедноту.

Формально вопрос о распределении податей и выделении крестьян на тяжелые посылочные работы и в рекруты решался мирскими сходами, но по существу его решали строгановские чиновники, приказчик, староста и писчик, опиравшиеся на зажиточную часть крестьян. Помещик мог обойтись и без мирских сходов, но они нужны были ему для того, чтобы

впоследствии требовать от крестьян беспрекословного выполнения постановлений, принятых ими самими на сходах.

В 1800 году в имениях Строганова были учреждены сельские хлебозапасные магазины, в которые крестьяне ежегодно сдавали хлеб. Во все эти магазины Строгановы ежегодно собирали свыше 13000 пудов. Зерно через определенный срок теряло свою всхожесть, становилось некондиционным. Помещик пользовался этим для оправдания ежегодного взноса хлеба деревенскими хлеботорговцами. Хлебом, собранным в запасных сельских магазинах, Строгановы распоряжались как своим собственным, и ежегодный взнос хлеба на пополнение запасов был дополнительным оброком с крестьян в пользу барина. Были денежные и хлебные оброки, всевозможные всеуездные и мирские сборы, были хлебные поборы под маркою хлебозапасных магазинов, были страховые платежи с построек и скота, но всего этого было мало просвещенным туземцам.

И Строгановы создают дополнительный налоговый гнет многочисленными штрафами. Особенно много мудрила над штрафами просвещенная переводчица Данте София Владимировна Строганова. Каких только штрафов ни придумывала графиня в своем знаменитом творчестве «Положение об управлении имением», многократно переделанном и дополненном. Или возьмите другое творчество графини «Положение о лесной страже». Какая здесь точная разработка таблицы штрафов! За первую порубку – двойная стоимость дерева, вторую порубку – тройная, третью – четырехкратная стоимость дерева, а срубленное дерево, независимо от внесенного штрафа возвращается помещику.

В лесу вообще нельзя самовольничать: нельзя без билета собирать сучья, собирать грибы, ягоды. Не оплатил билета на сбор грибов и ягод, не получишь билета на размол муки, ешь немолотую рожь: мельницы-то все кругом графские.

Если народ протестовал, становился на «дыбы», то на сцену выступал знаменитый «Устав Судебный» Софии Строгановой.

Здесь вы все найдете: размеры штрафов за ту или другую провинность, сколько ударов розгами может прописать провинившемуся та или другая судебная инстанция, как поступить, когда вина крепостного была настолько большою, что ее можно было искупить только высылкой в Сибирь, посылкою на огненные работы в заводах барина, на барские рудники или сдачей в рекруты.

Какое ханжество проглядывает в 29-м параграфе этого устава сердобольной барыни: «Виновные наказываются розгами с отнятием платья по голому телу, но женщины по усмотрению начальства могут быть наказываемы и в сорочке и избавляться от наказания публичного смотра по их возрасту и прочему». Этим позорным параграфом либеральная барыня как бы говорила: «Какой же я изверг, если у меня порют женщин в сермяжной станушке (сорочке) и не так, как у Салтычихи или княгини Козловской!»

С 1837 года Строгановы стали сдавать на откуп рыбную ловлю в реках и озерах, а раньше крестьяне пользовались этим бесплатно. Сдавались на откуп мелкие графские мельницы, а откупщики устанавливали высокие цены за помол. С помощью 48 мельниц Строгановы выколачивали с крестьян до 90 000 рублей ежегодно. Несмотря на зверскую эксплуатацию, в деревнях Строгановых создавались условия для расслоения крестьян, разорения беднейших и обогащения зажиточных. Барин отбирал у разорившихся крестьян землю и передавал ее тем, кто мог платить за нее оброк. Обезземеленный крестьянин становился батраком и поденщиком.

Все это создавало условия для появления более зажиточной прослойки в деревне, которая могла уплатить оброки деньгами в любое время и откупиться от всякого рода посылочных работ. Эта небольшая прослойка еще не давала кулаков, но она была группой экономически мощных крестьян, которые за своеобразную заботу о них барского приказчика платили барину своей привязанностью и стремлением быть активными

исполнителями барских решений. Строгановы использовали зажиточных крестьян в качестве старост, судей сборщиков податей, привлекали к составлению расписания посылочных работ, а иногда (по примеру управляющего Назукина) давали им подачки деньгами и лесом за помощь в посылке бедноты на тяжелые посылочные работы.

Часто бывали случаи продажи Строгановым с молотка своих «нежно любимых» крепостных. Приведем несколько примеров из бесчисленного множества их: отец основателя нашего завода барин Сергей Строганов продал тульскому купцу Лугинину 1829 мужских душ на вывод из своих пермских имений, Григорий Строганов оплатил покупку имения Всеволожского 2442 душами своих смоленских мужиков.

Нешадно обирал барин своих деревенских крепостных. А сколько порок, сколько надругательств над человеческим достоинством увековечил один надзиратель Николай Власов в своем знаменитом штрафном журнале Верх-Очерской земской избы за 1848 год! Пороли по-одиночке, пороли целыми деревнями, целым лесным куренем, пороли по голому телу и «в сорочке», пороли целыми семьями «за небытие у исповеди», за трухлявую доску от барской мельницы, за булыжник из груды бутового камня, высылали в Сибирь за кражу малолетней дочью чужой овчины, за «приставание к чужой девке», за кражу воротника от шубы торговца Заварина, пороли за сводные браки, за вход «женки» в питейное заведение, за похороны без исповеди и т. п.

Какую страшную правду таит в себе «папка по кормежке арестованных Карагайской земской избы за 1857 год», когда мужика лишали последней лошади за воз сучьев из барского леса. А сколько неочередной рекрутчины увековечил строгий надзиратель Власов и староста Родион Соромотин .

Страшные это были времена!

Ленинское знамя. – 1958. –18 июля, 20 июля, 23 июля.

СТРОГАНОВСКАЯ ПЛОТИНА В ОЧЕРЕ

9 июня 1759 года граф Александр Сергеевич Строганов получил от своей родственницы-империатрицы Елизаветы Петровны «именной высочайший указ» о разрешении построить металлургический завод на «нежилом Очерском урочище». В два года была создана плотина «длиною 260 сажен, шириною в основании 17 сажен, вверху 12 сажен и высотой 5 сажен». Сооружение плотины потребовало 482618 поденщин.

Можно составить приблизительное представление о том, как происходила постройка плотины, если учесть, что в те времена не существовало ни экскаваторов, ни скреперов, ни бульдозеров, ни самосвалов, а из 1107 переселенных сюда старых строгановских крепостных, только 200 человек были простыми «разнорабочими», остальная же масса крепостных переселенцев представляла вагранщиков, прокатчиков, горновых, кричных мастеров, кузнецов, слесарей, пилоставов, каменщиков и плотников.

Разумеется, не только эти 200 «разнорабочих» или 1107 переселенных крепостных ремесленников строили барину плотину, а все то старообрядческое и сектантское население, осевшее в строгановских лесах, ради которого был создан новый металлургический завод в качестве юридического основания для закрепощения староверов и сектантов, к тому времени еще ни за кем не закрепленных.

Дело в том, что по «бергрегуламенту» (горному уставу) Петра I к металлургическому заводу можно было приписать 150 дворов на каждую вагранку и 30 дворов на каждый молот нового завода. Первыми жертвами мобилизации на плотинную работу и последующей приписки к заводу были потомки беглых стрельцов, сектанты-скакуны, наследники беглецов боярыни Морозовой, приверженцы «Лужковского согласия», федосеевцы и поморцы, хлысты и сусленники, потомки староверов-

скитников, потомки бегунов, стариковцы, шиховляне, новожены-артамоновцы.

Беглецов-староверов и сектантов было так много (21980), что в 1816 году пришлось подумать о создании другого подобного же завода в Павловском, который окончательно поглотил всю остальную массу беглого старообрядческого населения, хоронившегося в строгановских лесах.

Пронырливый помещик и его приказчики Ваулин, Климов и Прядильщиков, набранные из этих же староверов и сектантов, в два года закончили плотину, построили большой (вешняжный) прорез и не вполне благоустроенный малый (ларевой) прорез.

Новые крепостные старообрядцы, построившие плотину, деревянные корпуса нового завода и жилые дома для заводских служащих, были так впряжены в валку, сплотку и транспортировку леса из Пурги, Пахомовой, Карсоновой, Уваровой и Лужковой, что не выдержали барской каторги и весной 1783 года, вероятно, преднамеренно, выворотили плотовыми якорями мертвый брус большого прореза. Пруд вытек, в несчастье обвинили стихию (вешнюю поду) и выпороли сторожей плотины Бояршинова и Бессонова за ротозейство. Над прорванным прорезом так умно мудрили (ведь плотинные были тоже старообрядцы!), что одиннадцать лет не могли окончательно закрепить его: не помогла даже живая кровь женки Томиловой и двух нехристей-пермяков, которых преднамеренно столкнули в воду прореза (легенда Акилины Дементьевны Нохриной).

Только в 1794 году разрушенный прорез был закреплен плотинным мастером Ромадиным, возведенным за эту услугу в звание горного чиновника. Малый прорез, не отвечавший потребностям питания усовершенствованного верхнебойного колеса и каскада нижнебойных колес, был в 1812 году переконструирован при приказчике Прядильщикове в ларевой прорез с прочными деревянными стенами в виде ларя.

В 1877 году большой прорез был заново перестроен плотинным мастером Степаном Ивановичем Полюдовым, а в 1925–26 годах советским инженером П. Ф. Неведомским ему была придана та внешность, которую он имел до постройки гидростанции. В 1891-м году ларевой прорез был снова переконструирован: вместо ларя ему придали цилиндрическую трубу и два заградителя с решетками.

Руководил работой строгановский инженер из Добрянки. Во время этого последнего ремонта, изуродовали двух рабочих (Василия Томилова и Егора Бессонова), которым барин не платил за инвалидность, т. к. увечье было признано результатом их собственного ротозейства.

Вот что вспоминают очерцы, проходя по плотине своего величественного пруда, составлявшего основу гидроэнергетики барского завода.

Ленинское знамя. – 1958. – 30 июля.

БУНТ В СПЕШКОВСКОЙ ВОЛОСТИ В 1862 ГОДУ

19 февраля 1861 года Александр II был вынужден подписать Манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Юридическое оформление новых отношений крестьян к помещикам должно было произойти с помощью так называемых уставных грамот. Так как отказ от подписания уставных грамот был единственным средством спасения от новой кабалы, то большинство волостей крепостных помещицы Наталии Павловны Строгановой отказывались от подписи уставных грамот. Эта «волынка» (доклад управляющего Демидова) продолжалась до 8 марта 1862 года.

В этот день управляющий Очерским округом графини Наталии Строгановой Егор Константинович Демидов сообщил мировому посреднику 3-го участка Оханского уезда Суворову, что крестьяне 7 волостей (и в числе их Спешковская) «не согласились на добровольное подписание уставных грамот».

Свою ненависть к помещице крестьяне переносили на ставленника помещиков-мирового посредника. 18 апреля 1862 года в Спешковскую волость приехал мировой посредник Суворов. На волостном сходе он прочитал уставную грамоту и предложил принять ее. Собравшиеся крестьяне заявили, что «уставной грамоты они не примут и платить оброка не будут, так как считают, что уставная грамота составлена не царем, а помещицей».

Они потребовали разрешения избрать доверенных, которые отвезут лично царю жалобу на незаконные действия помещицы и мирового посредника. Крестьяне настаивали также, чтобы была возвращена уставная грамота наберухинцам, присутствовавшим на сходе в качестве свидетелей.

Мировой посредник отказал участникам схода в их просьбе. Тогда Осип Софьин и Григорий Штенцов «предложили арестовать мирового посредника и держать его голодным до тех пор, пока он не выполнит крестьянских требований». Софьина и Штенцова поддержали Николай Шафранов, Андрей Плотников, Федор Усанин и другие.

Крестьяне запретили мировому посреднику уходить из волостного правления и заставили его выслушать все их недовольства. Чтобы он слушал крестьян стоя, Андрей Плотников отнял у него стул.

Андрей Плотников и Федор Усанин говорили: «Мы ждали посредника как бога, а он вышел хуже черта». Николай Шафранов утверждал, что посредник-обманщик и за это помещица выхлопотала ему медаль за усердную службу.

Мировой посредник пять часов должен был слушать все, что выскажут крестьяне. Когда посредник уезжал, то крестьяне высказали намерение убить его в дороге. На следующий день спешковцы снова собрались на сход, отстранили от должности волостного старшину и в своем решении записали, что «не признают над собой ни старшины, ни посредника и не будут им ни в чем повиноваться».

Бунтовщики на сходе отобрали должностную печать у волостного старшины и передали ее на хранение сборщикам податей Катаеву и Шарову. На следующий день бунтовщики Носков и Вдовин не позволили волостному старшине пойти с жалобой к мировому посреднику. Собравшиеся на сход бунтовщики потребовали от сборщика податей Шарова написать приговор общества о том, что Тимофею Носкову и Корнилу Пепеляеву поручили написать жалобу об уменьшении оброка с крестьян и подать ее царю.

20 апреля уполномоченный Носков поехал в Сосновскую волость «для уговора их избрать доверенного» для совместного ходатайства об уменьшении оброка, но... 21 апреля десять руководителей крестьянского волнения в Спешковской волости во главе с Тимофеем Носковым были арестованы и заключены в Оханский тюремный замок. 23 апреля в Спешково прибыл отряд казаков и отряд полицейских из Оханска, «произвел внушение (выборочную порку) и заставил спешковцев принять уставную грамоту».

Так получали свободу и в других волостях Строгановых.

Ленинское знамя. – 1958. – 20 августа.

МЕЖЕВОЙ БУНТ ВО ДВОРЦЕ В 1867–69 Г. Г.

Уставные грамоты, определявшие новые отношения крестьян к помещику после Крестьянской реформы 1861 года не были приняты и подписаны народом, но по решению правительства начали проявлять свое действие без согласия крестьян. На «временнообязанном» деревенском народе накопились недоимки, которых он не желал платить.

Помещики допускали злоупотребления при размежевании наделов с бывшими крепостными.

Крестьяне не допускали землемеров к межевым работам, выбрасывали межевые «знаки» и обрабатывали «самовольно

захваченные» земли. Наиболее ярко эта борьба народа за землю проявилась в Дворецкой волости нашего района.

Борьба крестьян Дворецкой волости за землю и сохранение «самовольных запашек» началась в 1867 году. Вначале крестьяне арендовали у помещицы Наталии Строгановой часть земли, а потом без всякой аренды стали самовольно занимать земли с лесными порослями, расчищать их и превращать в пашни. Барыня обратилась к губернатору с жалобой на самовольных захватчиков земли, просила наказать их и взыскать арендную плату за те земли, которыми пользуются захватчики.

Губернатор поручил расследовать это дело Оханскому уездному исправнику Петрову. Исправник оштрафовал нескольких крестьян, а с остальных, взял слово, что они внесут арендную плату помещице, но слова этого крестьяне не сдержали, аренду не платили и продолжали захватывать у помещицы новые места с мелким леском.

Через год исправник Петров доносил губернатору, что арендной платы дворецкие крестьяне не уплатили ни копейки и намерены снова захватить землю помещицы. Исправник в донесении указал на агитатора, «подбивавшего» народ не платить аренду, – местного крестьянина Степана Захаровича Лыкова, который еще в 1864 году был осужден за «подзуживание» (агитацию) не платить оброка помещице.

Весной 1868 года дворецкие крестьяне снова захватили земли графини, а об арендной плате не хотели и слышать, т. к. считали земли своими.

Вместо Петрова в Оханск назначили нового исправника. Два раза в Дворецкую волость приезжали новый уездный исправник Прозорович и мировой посредник Клепинин, но крестьяне упорно утверждали, что «земли принадлежат им окончательно».

Помещица решила размежеваться с захватчиками. Но это оказалось очень трудным делом: крестьяне не допустили к работе уездного землемера Павловича. В октябре 1868 года для

проведения межевых работ в волость прибыл уездный землемер Коверских в сопровождении двух полицейских.

Крестьяне встретили землемера с кольями в руках. Землемер плохо верил в заступничество двух полицейских и прекратил работу. Уездный исправник дал в помощь землемеру Коверских двух приставов (Рихтера и Дергачева), десять полицейских и свыше десятка доверенных и понятых из других волостей. Это не улучшило размежевания: доверенные дворецких крестьян Степан Лыков и Никита Бузеев отказались принимать участие в землемерных работах, т. к. считали, что землемер идет не по той грани, которая отвечает желаниям уполномочившего их народа.

Два дня работы производились без дворецких уполномоченных, было поставлено 19 межевых столбов. Но через два дня положение резко изменилось: 26 октября отставной солдат Иван Федорович Чупин (из деревни Чуриковой), собрав до 50 соседей у пруда близ деревни Шутиковой, принудил межевщиков прекратить работы и выбросил все поставленные землемером столбы. На этом размежевание пока закончилось. 8 апреля 1869 года в село Дворецкое приехал пристав Серебрянников и следователь Земляницын для следствия по делу о бунте в связи с размежеванием земли графини Строгановой. Возникло громкое дело «о противодействии землемерам Павловичу и Коверских в размежевании земель с графиней Строгановой и об истреблении межевых знаков».

Главными виновниками власть считала Степана Лыкова и Ефима Ощепкова, но следователь не решился их арестовать, так как боялся 150 озлобленных крестьян, собравшихся в сених волостного правления. Собравшиеся шумели, кричали, заявляли, что никого не дадут отправить в острог.

Толпа была оттеснена казаками во двор, а сени волостного правления были заперты. Крестьяне ломились к дверям, ругали следователя, пристава, казаков и угрожали им кирпичами. Следователь и пристав отметили особенную агрессивность

Кондратия Широглазова и Увара Азанова, у которых в руках были кирпичи, Ефима Ощепкова и Гаврила Романова, которые больше всех шумели и убеждали других прогнать пристава. Следователь считал главными подстрекателями этого бунта Ефима Лыкова, его брата Василия Лыкова и Никиту Бузеева.

Два дня пристав и следователь были в помещении волостного правления, окруженные озлобленными крестьянами. Осажденным чиновникам удалось послать донесение в Оханск уездному исправнику с просьбой об освобождении их. 11 апреля в Дворецкую волость прибыл на выручку оханский уездный исправник с отрядом полицейских. «Началось массовое избиение и аресты бунтовщиков» (из рапорта управляющего). Исправник арестовал и отправил в Оханск Степана Лыкова, Василия Лыкова, Никиту Бузеева, Ефима Ощепкова, Кондратия Широглазова, Увара Азанова, Карпа Костылева и Гаврила Романова.

Создана была особая следственная комиссия под председательством уездного следователя Масловского. Возникло громкое дело «О буйных поступках крестьян Дворецкой волости против станового пристава и судебного следователя». Особую группу во главе с Иваном Федоровичем Чупиным обвиняли в буйстве против межевых чинов. Арестованные просидели в Оханском тюремном замке до 29 октября 1869 года, а затем были осуждены на разные сроки тюремного заключения и подвергнуты денежным штрафам.

Боязнь новой пугачевщины «аставила правительство ограничиться сравнительно небольшими сроками заключения от 8 месяцев тюрьмы (Ефим Ощепков) до 3 лет и 3 месяцев (солдат Чупин).

Но «бунтовщиков» во время «дознания и следствия» два раза пороли розгами, казаки и полиция, а суд разорил их судебными издержками: им «поставили в счет» командировку во Дворец казаков и полиции, пребывание во Дворце двух становых приставов и всего следственного аппарата во время длительного производства дознания. У этих отважных людей, боровшихся за

освобождение крестьян, несомненно, остались потомки. Но хранят ли дворецкие люди о них память?

Ленинское знамя. – 1958. – 24 августа

КАК СТРОГАНОВ СДИРАЛ ОБРОК С ОСВОБОЖДЕННЫХ КРЕПОСТНЫХ ОЧЕРСКОГО ОКРУГА

Народ считал, что манифест 1861 года освободил его от крепостной зависимости и что никаких оброков помещикам не полагается. Между тем, за 1861 и 62 годы «на временнообязанных» крестьянах накопились большие недоимки по оброку.

В 61-м году посевы были выбиты градом, а 62-й год для всего Пермского Предуралья был годом повсеместного неурожая. В таких неблагоприятных условиях среди народа распространился слух, что «получен новый манифест» о поземельных повинностях. Этот слух дал повод тому, что почти все волости округа перестали выполнять повинности помещику и платить оброки.

Особенное упорство проявили крестьяне Лузинского, Таракановского и Мелехинского обществ Покровского приказничества Очерского округа. 15 февраля 1863 года в Покровскую волость приехал мировой посредник для взыскания недоимок. Даже волостной старшина Соловьев заявил посреднику, что «крестьяне не платят по бедности, из-за неурожая».

Просьбы крестьян к посреднику об уменьшении налога ни к чему не привели. Посредник приказал судить недоимщиков волостным судом, продавать с торгов их имущество и наказывать розгами.

Распоряжение мирового посредника переполнило чашу терпения крестьян. Возникают самовольные сходки,

принимаются решения об отказе от земельных наделов, полученных по уставным грамотам.

Крестьяне Мелехинского общества приняли такое решение по совету их руководителя Федора Вопилова. К такому же решению пришло и Таракановское общество под влиянием Данила Лузина. Вскоре крестьяне всех обществ Покровской волости отказались от земельных наделов, не желая платить оброков. 20 марта в Покровскую волость снова прибыл мировой посредник и потребовал список недоимщиков. Одного из них мировой приказал для устрашения других выпороть розгами в волостном правлении.

Узнав об этом, крестьяне группами собираются к волости, выкрикивают бранные слова и угрожают мировому посреднику.

Озлобленный мировой отстранил от должности волостного старшину Соловьева и писаря Симонова, допустивших рост недоимок. Старшиной он назначил Субботина, а писаря приказал выбрать на волостном сходе.

Когда посредник покидал волость, то его встретили крестьяне во главе с уволенным старшиной Соловьевым и потребовали объявить новый манифест об уменьшении оброка. Крестьяне требовали восстановить в должности писаря Симонова и угрожали мировому наказать его так, как он наказал недоимщика. Мировой пытался доказать, что никакого нового манифеста нет, но крестьяне не позволили ему уехать из волости.

Только ночью мировому удалось воровски удрать из волости. Попытка нового волостного старшины Субботина собрать оброки и недоимки встретила решительное сопротивление народа. 29 марта 1863 года на самовольном волостном сходе народ заявил Субботину, что не признает его старшиной и оброков платить не будет. Губернское начальство решило принять суровые меры против покровцев. В Покровскую волость прибыла специальная следственная комиссия в составе следователя Лебедева, заседателя уездного суда Глаголевского и станового пристава Венедиктова. С комиссией прибыла команда

войск внутренней стражи. Опрашиваемые крестьяне не давали комиссии никаких показаний. Тех, кто пытался что-либо рассказывать, соседи садили в холодную арестантскую комнату.

Даже эта следственная комиссия из полицейских и судебных чиновников установила, что «у многих крестьян хлеб выбило градом, овощи позябли, почему крестьяне даже для пропитания должны сыскивать деньги посторонней работой». Но барину нужен оброк. С помощью военной команды волнение крестьян Покровской волости было подавлено, а руководители его преданы суду.

Все недоимщики по приговору волостного суда были выпороты розгами, руководители восстания Вopilов, Лузин и Соловьев по постановлению уездного суда заключены в тюрьму, а писарь Симонов – административно выслан за пределы губернии.

В другой волости Очерского округа (Вознесенской) униженные и бесправные крестьяне наивно полагали, что царь и губернатор не знают о их тяжелом экономическом положении и непременно вступятся за них. Поэтому на имя губернатора вознесенцы подали прошение, в котором просили облегчить участь крестьян, но прошение это оказалось в делах губернской палаты уголовного и гражданского суда в качестве документа, по которому просителей привлекли к судебной ответственности. Что получили недоимщики в ответ на их просьбы? Дементий Новиков приговорен к 8 месяцам тюрьмы и 50 ударами розог, а Климент Новиков – к 4 месяцам тюрьмы и 40 ударам розог.

Так чиновники, поставленные помещиками, выколачивали оброки с освобожденных крепостных, а сенатор и воспитатель царских детей Строганов благословлял их и подзуживал на это.

Ленинское знамя. – 1958. – 29 августа.

МРАЧНЫЕ ТЕНИ МИНУВШЕГО

Мал при Строгановых был завод в Очере: в один сборочный цех нового советского завода можно поместить весь старый барский завод. Не сохранилось теперь тех мрачных корпусов, в которых было первоначально организовано тяжелое кричное производство, но каменные корпуса, построенные в 1835–40 годах барыней Софьей Строгановой, до сих пор сохранились. Пройдемся по этим цехам.

Вот механический цех, где когда-то работала фабрика по прокатке шинного и листового железа. В нашей памяти встает картина Иогансона «На старом уральском заводе» и связанный с этой картиной кошмарный «Устав судебный», подписанный Софьей Строгановой, с его знаменитым 26-м параграфом. Припомним его: «Виновные наказываются розгами с отнятием платья (по голому телу), но женщины по усмотрению начальства могут быть наказываемы и в сорочке».

«Какой же я изверг, если у меня порют женщин в станушке!»—вероятно, думала либеральная барыня. Я в этот момент перед ее глазами должна бы пронестись тень мастерового Василия Пирожкова. Его четыре раза пороли в цехе, в заводской расправе под деревянным правлением и после продолжительной высидки в камере на цепи, прикованной к кольцу камеры, затем выслали в Сибирь. Виновен он был «за многие дерзости мастеру, приказчику, волынку и подбивание других».

Мастеровой Тимофей Гусев тоже был сослан в Сибирь. Не беда, что у него осталась жена и калека-брат с большой семьей: ведь он тоже «зубатил, волынил и подбивал других». Не лучше была судьба Осипа Казымова, попавшего в Сибирь «за распространение слухов», и оставившего в Очере отца, мать и двух сестер. Была оформлена высылка в Сибирь и на четвертого смутьяна из этой проклятой фабрики Петра Катаева. Но он сбежал из дома, подставив под гнев барыни спину отца и брата.

Мы в деревообделочном цехе, в котором при барине была «токарная для оточки валов», сколько кошмарных видений

всплывает в нашей памяти! Вот тень барского токаря Алексея Клепцына, осмелившегося «пререкаться с мастером и даже приказчиком». Он за это лишился двух сыновей – Михаила и Якова, которых вместо старика-отца сдали в солдаты вне очереди. Но вот тени и других токарей-рекрутов: Алексея Чазова, Егора Норицына и их восьми товарищей-подростков 19 лет, сданных вне очереди в солдаты на 25 лет тоже «за продерзости отцов».

Мы в болторезном отделении. Там при барине были «клинчатые воздуходувные мехи», и работал на этих мехах смутьян Исай Путин, который не выждал бесплатного этапа в Сибирь и сбежал сначала в староверские скиты на Иргизе, а оттуда в Томскую Колывань. Но и там он был найден старостой и приведен по этапу в Очер, причинив барыне расход в 8 рублей 60 копеек серебром, а службистому старосте Лариону Соромотину «награду за усердие в 1 рубль 40 копеек серебром» (недорасходовал на прокорм беглеца).

Мы в литейном цехе. Не подумайте, что при Строгановых здесь уже был бессемеровский конвертор, механизированный шихтоподъемник и шихтовая площадка, разливочные ковши и всякие электрифицированные консольные краны. Ничего этого тогда не было: была простая кустарная вагранка, около разливочных горшков которой нам мерещат тени крепостных литейщиков Федора Томилова, Тихона Каменских, Антона Мокрушина и Григория Попова, которых в возрасте 30 лет сдали в солдаты вне очереди на 25 лет только за то, что «зубатили с мастером и бросали на него косые взгляды».

Мы увидели бы здесь и еще более старого рекрута-литейщика Ивана Носкова, которого за «постоянные перекоры с мастером и даже с господином-приказчиком» сдали в солдаты на 32-м году. Я вот рекрут-литейщик Степан Чазов мало того, что косо смотрел на мастера Колчанова, но даже «потеснил его по хмельному делу» (избил) и за это сдан был барыней в рекруты в возрасте 33 лет. Приказчик барина не постеснялся сдать в

солдаты на 25 лет этого человека, имеющего четырех малолетних детей.

Мы в бывшей заводской столовой. Здесь в крепостное время был модельный цех и шорный цех. При барине мы увидели бы модельщиков Дмитрия Ватолина, Абрама Ермакова и Якова Ипанова, которых приказчик сдал в солдаты за то, что волынят, портят инструмент и дают «нелекальную» продукцию.

Здесь же мы увидели бы шорника Ивана Бурдина, который «часто зубатил с хозяйственником конного двора» и для отвода глаз сидел свыше 10 минут в таком месте, которое ныне называют то уборной, то туалетом, а раньше именовали сортиром. Нужно было проучить этого волынщика и сдать его в солдаты, несмотря на то, что ему уже 28 лет.

Мы около камерной печи на жидком топливе для нагрева поковок. При барыне здесь были простые горна. Около горнов сновали Корнил Бурдин, Петр Старков и Гаврил Нохрин, которые часто допускали перерасход угля и волынили. За это приказчик сдал их в рекруты, не считаясь с тем, что одному из них было уже 27 лет.

Мы около мостового подъемного крана, которого при барыне, разумеется, не было. Здесь под команду «Еще раз» в крепостное время в стройной заливчатской дубинушке под руководством Павла Бояршинова и Терентия Шафранова перетаскивали тяжести в озорном припеве «кастили на все корочки своего мастера». Что же, как не солдатчину вне очереди заработают «зубоскалы!»

Целая группа рабочих под командой Ивана Плотникова и Петра Лаврикова работали на ручных перетасках и перевалках и тоже всячески поносили своего мастера и неуважительно относились к заводскому надзирателю. Конечно, рекрутчину заработали и эти «зубоскалы».

Заглянем в нижний этаж современной химической лаборатории завода. Страшным при барыне Наталии Строгановой было это место и называлось почему-то

«семидырной». Тогда здесь свирепствовали надзиратель Василий Казаков и его помощник Фома Антипьев. Тут было все, что нужно для порки: коза (скамья) с приспособлением для привязывания, кобыла (тоже препротивное приспособление) и размоченные в соляном растворе розги. Здесь после каждой смены пороли крепостных ремесленников. За что пороли? За малый выход продукции, пережог угля, перерасходованную смазку, косой взгляд на мастера и даже за то, что мастерской сидит в отхожем месте больше десяти минут.

Мы в спортзале ДСО «Труд». До 1834 года это здание было занято окружным правлением барина, а после 34-го года – театром. В нижнем этаже, засыпанном землею после 1861 года, мы встретили бы три арестанских камеры с цепями и кольцами. Здесь «судебный устав» барыни Софьи Строгановой с его позорным 26-м параграфом получал свое реальное воплощение. Не перечислить и не сосчитать тех заводских и деревенских мучеников, которые прошли через это страшное подземелье. В нашей памяти невольно возникают мрачные образы картины Коровина «Перед поркою».

Штрафной журнал ремесленной расправы за 1854 год и штрафной журнал Верхне-Очерской земской избы за 1848 год наглядные документы зверской расправы над людьми. Здесь пороли по письменному приказу заводского исправника и пристава 3-го стана, пороли по просьбе верховых мастеров, пороли по решению земской избы, по приговорам третейского и уездного суда, пороли по приказанию старосты Родиона Соромотина и даже жены десятского Ефима Бурдина.

Мы около бывшей графской приходской школы на углу улиц Гоголя и Калинина. Верх здания в то время занимала начальная школа, а низ – заводское волостное правление. В старое время в обоих этажах вы услышали бы рев: вверху учитель Ситников бил у доски палкою по затылку мальчика Вшивкова, учитель Половников рвал волосы ученика Николая Власова за тупоумие в задаче об оброке, а внизу был сплошной

рев семейств внеочередных рекрутов, сдаваемых в солдаты за провинности на заводе, или отправляемых в наказание на огненные работы в Куву и Билимбай «до износа» за склонность к вину или за «неуважение к полицейскому чину».

Перейдем к внушительному каменному зданию окружного правления, в котором теперь помещается первая десятилетка. Каждый кирпич этого здания впитал в себя те обиды, что накопились за время графского господства. Каждая бумажка на вышке этого здания – обвинительный акт титулованным паразитам, владевшим полудюжиной разных языков, но не знавшим языка и наболевшего гневного сердца своих холопов...

Ленинское знамя – 1958. – 12 сентября.

ГОРЬКО ПРИ БАРИНЕ БЫЛО УЧИТЬСЯ

1 сентября на заречной стороне торжественно введено в строй здание второй десятилетки. Местное начальство и представители районных организаций присутствовали в этот день на уроках первого дня и любовались величественным зданием этой второй в городе «советской гимназии» с его роскошным залом, специальными кабинетами физики, химии, биологии, истории, географии, физкультуры, устроенными по последнему слову современной педагогики, с центральным отоплением, кабинетами для директора и завуча, буфетом и замысловатыми надписями на трехкомнатных «туалетах».

На фоне торжества народного просвещения Очеры с двумя средними школами, десятилеткой-интернатом, техникумом, семилетней и четырьмя начальными школами проследим тот путь, по которому двигалось дело народного просвещения в старом Очере.

При помещике Очер был центром огромного округа с двумя барскими заводами, девятью крепостными селами и 1162 деревнями. До 1820 года в этом огромном крепостном округе не

было ни одной школы. Ни Очер, ни Павловский, ни Карагай, ни Сепыч, ни Дуброва с Острожкой не имели даже начальной школы! А грамотные люди и тогда были нужны барину Строганову для его окружного правления, двух заводов, приказчиеств, лесных кордонов и земских изб. Откуда же брали их?

Привилегированные «служители» вельможного барина приводили для обучения грамоте своих детей к пономарю местной церкви Федору Васильевичу Шилову и церковному трапезнику Афонасию Константиновичу Лаврикову. Эти люди учили служительских ребят чтению, письму и счету за особую плату, вносимую молоком, овощами, сеном, дровами. Чистописанию этих ребят учили канцеляристы окружного правления помещика.

В 1794 году в селе Ильинском, где помещалось главное управление именными Строганова, по инициативе сына владельца Павла Строганова, его отцом была открыта «школа ланкастерского типа с тьюторами», т. е. школа для простонародья с учителями-репетиторами.

В Ильинской школе, через которую прошло большинство строгановской интеллигенции, обучалось 50 человек, из которых 10 учеников своекоштных, а 40 учеников «на господском содержании». Основатель очерского завода Александр Строганов, запутавшийся в долгах, разрешил открыть школу пока только в Ильинском, а в Очере и Билимбае они были открыты лишь с 1 января 1820 года вдовою Павла Строганова. Барыня Софья Владимировна отпустила в 1820 году по 898 рублей 40 коп. на школу в Очере и Билимбае и 3796 рублей на ильинскую школу.

В проекте барыни Софьи Строгановой было указано, что в трех ее приходских школах обучают чтению и письму, сокращенному катехизису, первой части арифметики и священной истории. Очерская школа была запроектирована

графиней на 34 ученика, из которых 12 учеников на господском содержании, а остальные своекоштные.

Сохранилась книга лицевых счетов Очерского окружного правления барина на 1860 год, из которой видно, что учителям графской школы в Очере были крепостные дворовые люди Срогановых – старший учитель Михаил Мельников со ставкою в 8 рублей в месяц и младший учитель Яков Любимов со ставкою в 5 рублей 66 коп. в месяц.

В ильинской школе с надстроечными (четвертыми и пятыми) классами по первоначальному проекту старшему учителю должны были платить 240 рублей в год, помощнику учителя – 80 рублей, сторожу – 48 рублей, на содержание и одежду барских учеников 640 рублей 80 коп., на учебные пособия и припасы 160 рублей в год и на награды при экзаменах 50 рублей в год. Но зять барыни Сергей Строганов и Наталия Павловна значительно сократили эти проектировочные наметки.

«Лицевые счета» позволяют восстановить бюджет учителей. Например, за весь год Мельников получал наличными деньгами 53 руб. 61 коп. Учитель оплачивал стоимость выбитых учениками стекол, покупал на свои средства классный журнал и оплачивал из своего кармана стоимость тех свечей, при слабом свете которых он занимался с детворой.

Чрезвычайно прозаическими были биографии этих крепостных учителей, которым барин выплачивал жалованье в 1852–60 годах.

Мельников – сирота караванного судоводителя – был помещен в «надстроечные классы» при ильинской ланкастерской школе для сирот, а потом в качестве барского стипендиата был определен в ученики пермской духовой семинарии, окончил ее и был назначен ильинским управляющим Волеговым младшим учителем приходской школы в Очере. Второй учитель Любимов, окончив барскую школу земледелия, горных и лесных наук в Марьине Новгородской губернии и получил звание сельского лесничего. За недозволенную женитьбу на вольной органистке

назначен был не лесничим, а помощником учителя в Ильинское, а оттуда «за грубое обращение с господином-управляющим» переведен в Очер на исправление.

До 1848 года школа помещалась в деревянном здании, сгоревшем в тот год, с того года – в каменном здании на углу современных улиц Гоголя и Калинина.

Какова была педагогическая ценность методики крепостного учителя? Инспекторских заметок об этом не сохранилось, но дети крепостных Строганова братья Василий и Дмитрий Гулины оставили хорошее описание методических приемов крепостных учителей, преемников Мельникова и Любимова.

Учитель Дмитрий Половников, исчерпав все доступные ему методы обучения, запускал руку в волосы своих учеников и задавал им такую трепку, что после опроса нерадивых всегда усаживался на стул с «вехотью» вырванных волос. Ученикам средней успеваемости вместо вырывания волос он давал щелчки в лоб при помощи пальца с массивным золотым перстнем. Когда не помогала ни трепка, ни щелчки, то учитель убегал из класса на плотину с намерением утопиться в графском пруду, а выдранные за волосы ученики, взгромоздившись на подоконники, следили за возмущенным учителем, выдавливали стекла в окнах класса и заставляли злополучного учителя платить графу за эти выдавленные стекла.

Второй учитель Николай Ситников был еще более жестоким. Ученика Верещагина он до такой степени бил у доски палкой по затылку, что тот ревел на весь заводской поселок. Не всегда Ситников так упорно вбивал палкой книжную премудрость в голову воспитанников. Иногда он ставил ученика голыми коленями на горох или край парты, или наказание ограничивалось запуском в «тупого» ученика чернильницы или книги и даже просто битьем линейкой по рукам. Таково было учение в помещичьей школе!

Что вбивали в головы своих воспитанников с такой жестокостью крепостные учителя? Учитель решал, к примеру, такую задачу: «Один князь имеет четыре области, а в каждой области по восемь начальников; каждый начальник имеет под собою 15 деревень; в каждой деревне по 10 крестьян, из коих каждый платит ежегодно 12 рублей. Спрашивается, сколько всего доходу приходит?» На вопрос, какой тип задачи, ученик Николай Власов бухнул: «На оброк!».

А Егор Шутов запутался с такой задачей: «Один человек выпьет кадь питья в 14 дней, а с женою выпьет ту же кадь в 10 дней. Спрашивается, в сколько дней жена его особно (отдельно) выпьет ту же кадь». Егора за несуразный ответ (140 дней) учитель щелкнул в лоб перстнем и поставил у доски до конца урока.

Степан Верещагин был выдран за волосы за то, что не дал вразумительного ответа на вопрос, как поступить, «егда в уменьшаемом числе случится нуль, сам собою ничего не значащий, а из него знаменующая цифра вычтена быть должна?» А сколько учеников пострадало за ломанные числа (дроби)!

Не на одной арифметике ученики зарабатывали щелчки, донимали и уроки естествознания. Что, как не постановку на горох, заработает ученик, если он не знает, что «нефть употребляется при выделке кож, от червей, от онемения членов, при ссадах (ссадинах), чирьях у лошадей, а также если лошадь раскопытится», или не знает, что «из попортившихся плодов финика двоят водку», то он упустит из виду, что «кожицей ядра кедрового орешка настаивают водку, чтобы красный цвет имела», то не запомнит, что «илим употребляется на крытые аллеи и другие тенные удобства».

Сколько тонкостей нужно было запомнить при изучении зверей: нужно было знать, что «кошка днем надерживается в храмине, а ночью на воле производит свои худые и добрые промыслы, при падении же с любой высоты падает непременно

на ноги». Нужно было помнить, что «боров (свинья) –зверь дворовый, причисляемый по раздвоенным копытам к скотам».

Конечно, важнейшей обязанностью учитель должен был считать ознакомление учеников с церковнославянским языком. Научить учеников читать нужно было так, чтобы он понимал; «где говорить дебело и тоносно... паче же ять с естем разнити» (различать простое Е от буквы ЯТЬ). Для чего нужно было знать такие тонкости? Нужно было не только научить читать церковные книги, но и научить записывать живых и мертвых в синодики.

После крестьянской реформы граф отказался содержать эту школу; земство преобразовало ее в женскую начальную школу (полузакрашенная вывеска ее сохранилась на здании до сих пор), потом – в двухклассную министерскую школу.

Сейчас нам кажется невероятным, что на два заводских поселка была одна начальная приходская школа. Число учеников этой единственной на Очер, Павловский и весь округ школы с 1820 года по 1885 год не превышало 38 человек.

Ленинское знамя. – 1958. – 21 сентября, 26 сентября.

КРЕПОСТНОЙ ХУДОЖНИК

Была особая категория крепостных, переносивших свою зависимость от барина особенно болезненно. Их называли дворовыми людьми. Помещики презрительно называли их дворней, но иногда отдавали их в обучение, чтобы иметь своих архитекторов, художников, артистов, музыкантов, инженеров, агрономов, врачей.

Содержание дворовых людей ложилось добавочным бременем на крепостную деревню: их надо было кормить, платить за них подушную подать. Дворовым людям, иногда очень культурным, казалось, что они сильнее деревенских вотчинников испытывают гнет крепостного права, узаконившего самые дикие формы насилия над человеком. В этой заметке мы

расскажем об одной жертве произвола Строгановых, их крепостном художнике.

Современный заводской клуб в Очере представлял до революции церковь Михаила Архангела, выстроенную по приказанию барыни Софии Строгановой в 1830 году. Великолепная живопись этой церкви приковывает наше внимание к судьбе выполнявшего ее художника Холмогорова.

С 1841 года (а по другим сведениям с 1852 года) был у Строгановых в Очере опытный и дельный художник Яков Холмогоров, когда-то расписывавший венерами, амурами и зефирами апартаменты вельможной барыни на Невском и Черной речке в Петербурге. Он числился здесь иконописцем, обслуживал два завода и девять крупных сел нашего округа. Зарабатывал художник у своего барина лишь 10 рублей 78 копеек в месяц, а нес настолько большую работу, что один не справлялся с ней. Он имел помощника Андрея Катаева, которому барыня платила лишь 1 рубль 87 копеек в месяц. И из этих жалких грошей помещица вычитала с них за свечи, за муку, чай и сахар из ее складов.

Если Катаев был начинающим художником и сравнительно молодым человеком, чтобы мириться с такой ничтожной платой, то Яков Холмогоров, снабдивший графскую церковь в Очере хорошей стеной живописью, был человеком, у которого могла быть более завидная судьба.

Сын члена окружного правления (тоже дворового человека) и крепостной дворовой золотошвейки, Холмогоров был определен в строгановское училище технического рисования, основанное в 1825 году. Хорошие художественные задатки Холмогорова заставили барина содействовать приему его в академию художеств. С успехом окончил ее Холмогоров и для усовершенствования в жанровой живописи был послан во Флоренцию. Там он ударился в церковную живопись, копируя Карла Дольче. Молодой художник очевидно подавал большие

надежды, ради осуществления которых барин командировал его в Мюнхен и Дрезден.

Все шло хорошо, пока Яков Холмогоров не решил жениться на итальянке-художнице Лючии, с которой он познакомился во Флоренции. Художник был дворовым человеком, а дворовый мог жениться только с разрешения барина. На просьбу о поездке в Италию для устройства семейных дел барин Сергей Григорьевич ответил решительным отказом, так как ему донесли, что художник может не возвратиться.

Тогда Холмогоров деликатно (через дворецкого) спросил барина об условиях увольнения из крепостного состояния. Барин вспылil, накричал на художника и не хотел и слышать об освобождении крепостного. Он послал художника в Ильинское с наказом использовать в какой-либо приличной церкви.

В Очере была только что отстроена хорошая барская церковь с александровскими колоннами, балюстрадами и антресолями, копирующими дачу Строгановых на Черной Речке. Вот сюда и послал управляющий майоратом Волегов молодого художника.

После четырех просьб и слезных молений Холмогоров убедился, что Лючии он больше не увидит. Художник запил, опустилcя. Из человека, который мог бы дать строгановского Воронихина, Медведникова, Мясникова или хотя бы Пищалкина, получился неудачник и пропойца, который «в подпитии» рисовал Михаила Архангела с гусарским палахом и в гусарском ментике, а Ивана Крестителя – в сапогах со шпорами и лихо закрученными усами.

Художника осуждали за его глумление над святыми, даже пороли за это, но он продолжал куралесить в церковной живописи, так как думал, что, досаждая церкви и богу, он досадит барину.

Как же сводил концы с концами Холмогоров на своей десятирублевой зарплате? Он поступал так же, как все графские служители с их мизерными ставками: жил взятками с церковей и

церковных старост за удачный выбор сюжета своих картин-икон. Наибольшее количество заказов от церквей было на Николу-Можая, Целителя Пантелеймона и скотских покровителей Фрола и Лавра. Художник же упорно доказывал богатею-старосте, что гораздо нужней для него была бы картина Христофора или Параскевы-Пятницы. Художник рисовал радужные перспективы доходов от святого с собачьей головой (Христофор) или от мученицы Параскевы, а староста доказывал, что ему дозарезу нужен Николай Чудотворец или универсальный целитель Пантелеймон.

Взаимные перекоры кончались обычно тем, что художник соглашался рисовать Николая или Пантелеймона, но повышал цену на него и требовал бражного солоду, меду для хмельной браги, мяса и масла для своей отощавшей бременной плоти.

Свои дни этот несчастный художник закончил тем, что выпоротый управляющим за отказ замазать собачью голову Христофора в Сепыче, он запил и так долго не мог закончить своего запоя, что во время его замерз около дверей своей квартиры 11 января 1861 года – почти накануне своего освобождения от барских цепей.

Ленинское знамя. – 1958. –14 ноября.

КАК ОЧЕРЦЫ ПОЛУЧАЛИ «ВОЛЮ» В 1861 ГОДУ

Плохо жилось перед волей крепостному ремесленнику и вотчинному деревенскому мужику. Все ждали вестей о воле и вести эти то выдумывали сами, то слышали от кучеров барской ямской. За «длинный язык о воле» по распоряжению пристава Попова и надзирателя Казакова были выпороты розгами с июня 1860 года до выхода в свет манифеста крепостные кучера Лобов, Селиванов, Бубнов и Вшивков. Они, очевидно, передали те слухи, о которых им рассказывали члены окружного правления помещика при поездках по округу.

Слухи о воле сделались более определенными после вызова барином в Питер графского управляющего майором Волеговым. Еще до объявления манифеста очерцы от своих влиятельных крепостных служащих пронюхали, что 19 февраля проекты законов и манифест, отредактированный митрополитом Филаретом, уже подписаны царем.

Но только 5 марта правительство, смертельно боявшееся развязывания новой пугачевщины, решило опубликовать этот долгожданный манифест. Объявление манифеста в Очере происходило 16 марта после помпезных торжеств в Перми. Объявили его около церкви, которая сейчас превращена в заводской клуб, после торжественного богослужения и исполнения нотного «Тебе бога хвалим», которое потом повторили после зачитывания манифеста.

По плану, намеченному окружным правлением, после зачитывания манифеста должно было состояться «изъявление благодарности монарху за дарованную милость», а никто этой благодарности не выразил. Мастеровые осмелились даже спросить священника Федора Дубровского, подлинный ли этот зачитанный манифест: ждали волю, а получили снова помещичью кабалу. В селах округа объявление манифеста тоже сопровождалось недовольством крепостных.

Пермский губернатор, описывая министру обстановку ознакомления народа с манифестом, пишет в своем донесении: «Среди крестьян села Острожского имени графини Строгановой... на днях возникли недоразумения, которые были прекращены местным земским исправником мерами внушений и полицейских исправлений».

Чем особенно недовольны были очерцы в манифесте и многочисленных дополнительных правилах к нему? Крепостные, независимо от их желания, обязаны были получить от помещика нищенские наделы и не имели права отказаться от них на протяжении девяти лет. Все казенные подати после введения особых «уставных грамот» перекладывались с заводовладельца

на плечи заводских людей. Очень важная для заводчан безденежная выдача провианта уничтожилась.

Особенное раздражение очерцев вызывали «Дополнительные правила о приписанных к частным горным заводам людях», на основании которых порядок найма и увольнения рабочей силы отдавался на решение заводовладельцев-крепостников. Мастеровые должны были выкупать у заводовладельцев свою усадьбу, а за усадьбу барыня назначала очень большой оброк (6 рублей за десятину в год).

За пашню и сенокосы тоже был установлен оброк по 6 рублей за десятину. Те из заводчан, которые будут отнесены к сельским работникам, обязаны отбывать барщину еще три года после манифеста. Кто из сельских работников не уплатил оброка, тот должен был отрабатывать его на заводе.

Особенно зловредным был шестнадцатый параграф дополнительных правил, вводивший отработку оброка помещику на его же заводе. Главный замысел этих «правил» сводился к тому, чтобы прикрепить рабочих к заводам при помощи усадебных и полевых наделов.

Мастеровые обоих заводов нашего округа и вотчинные крестьяне всех 16 волостей не согласились добровольно принять уставные грамоты. 18 ноября 1861 года Очерское окружное правление помещика послало на оба завода и во все волости извещения о том, что граф Строганов требует скорейшего представления уставных грамот. Окружное правление призвало к подписанию этих грамот как к добровольной сделке и ставило в известность, что мастеровые и крестьяне могут быть допущены к работам в заводах барина лишь по особому договору. Для окончательного согласования уставной грамоты правление назначило трехнедельный срок.

Три недели прошли, управление барина нервничало, а народ боялся принять уставную грамоту и боялся отказаться от подписания ее, чтобы не умереть с голоду при своей призрачной свободе.

Не подписывая грамоты, очерцы ссылались то на несоответствие величины оброка с их заработком, то на лишение топлива из барского леса, то на неясность вопроса о страховом и ссудном капитале, то на плохую землю.

Дело было перенесено в губернское присутствие по крестьянским делам. 4 мая 1862 года мировой посредник на все вопросы дал ответы с соломоновской мудростью: страховой и ссудный капиталы принадлежат народу, но «должны по-прежнему оставаться в распоряжении вотчинного управления графа Строганова»; земля, которую барин дает народу, действительно неважная (галечники и пески), но при унавоживании или отдыхе в течение восьми лет, она будет родить хлеб.

Три строгановских завода (Очер, Павловский и Билимбай) отказались от полевых наделов и оставили за собою лишь усадьбы. 12 марта 1862 года окружное правление помещика объявило, что есть особое разъяснение министра внутренних дел о том, что мастеровые не вправе отказаться от усадеб. Разъяснение министра прикрепило освобожденных очерцев к своему заводу: клочок земли не прокормит мастерового, а уйти из заводского поселка он не может. Вот и соглашайся на любую сдельную плату (иначе совсем ничего не получишь).

Несмотря на то, что очерцы отказались от введения «уставной грамоты», она начала без их согласия автоматически действовать. В марте 1863 года мировой посредник потребовал от рабочих Очерского завода сделать раскладку повинностей за усадьбы. Был собран специальный сход. Что произошло на сходе, видно из протокола: «Мировой посредник требовал произвести раскладку повинностей, но на сходе рабочие оказали упорство в исполнении сего требования и не хотели слушать никаких разъяснений; больше же виновными в этом оказались мастеровые Петр Филиппов Гулин и Дмитрий Томилов, которые кричали: «Ребята! Раскладку не делать и не подписывать, а от земли

отпираться». Сход послушал этого восклицания и требование (мирового посредника) не было исполнено».

Мировой посредник приказал приехавшим с ним казакам арестовать Петра Гулина и Дмитрия Томилова, но собравшиеся рабочие не дали казакам увести арестованных. Рабочий Яков Чазов отнял Петра Гулина и сказал казаку: «Ступай, скажи мировому посреднику, что они (ремесленники) Гулина под арест взять не дадут».

Недоразумения с деревнями привели к тому, что правительство упростило механизм введения «уставных грамот»: не требовали ни согласия деревень на принятие грамот, ни подписи деревенцев на этих грамотах. Но нужно было провести размежевание деревенских и барских владений.

К какому жульничеству при размежевании прибегал вельможный Строганов, видно из сохранившейся копии уставной грамоты общества сельских работников Очерского завода. Сам защитник барских интересов – мировой посредник Суворов должен был заявить, что барин Строганов обжулил народ с «шутемами» (залежами на 850 десятин по Сосновской волости, на 407 десятин по Морозовской волости и на 434 десятины по Спешковской волости).

Непринятые народом уставные грамоты вскоре дали себя почувствовать сплошными порками и судами за те недоимки по барскому оброку, которого народ не желал платить. Форменный бунт на почве выколачивания из народа этого оброка возник в Покровском приказчикестве Очерского округа. Еще более грандиозный бунт возник в Кулямской волости, переименованной за это в Новопаинскую волость.

Кулямцы ранили кольями девять казаков-карателей, арестовали командира карателей исправника Степового, мирового посредника Подлинева и судебного следователя Лебедева. Только приезд губернатора с военной силой спас арестованных чиновников от самосуда рассерженного народа.

Сплошные порки в Спешковой, Дворце, Острожке, Покровском, Куляме, Путине за барский оброк и барскую землю убедили народ, что единственным результатом пресловутого манифеста о воле явилось то, что «теперь их вместо барина драть будет волостной».

Кое-что назовут по-иному: земскую избу – волостным правлением, словесный суд – волостным судом, а розги так розгами и останутся. Не от радости пять волостей Строганова только в нашем округе отказались весной 1863 года засеивать свои поля и заработали этим военные постой в деревнях.

Освобожденные «от хлебного провианта» ремесленники вынуждены были упрашивать старых барских холоуев взять голодающих людей на работу в тот же барский завод за ничтожную плату: ведь треть их была уволена за сокращением штата. Люди ползали на коленях перед Егором Демидовым, Николаем Дьяконовым, Петром Малых, упрашивая их «не дать умереть с голоду душе христианской».

Ленинская «Искра» в № 45 за 1903 год писала: «После сладких мечтаний о полной воле и освобождении от ненавистных горнозаводских работ население Урала увидело перед собою только два выхода: или голодная смерть, или заводские работы. Выбора не было.» Обобранный до нищеты вышел очерский крепостной из рабства Строгановых, чтобы попасть в кабалу к тем же Строгановым.

Даже призрачную волю очерцы получили с невыразимой болью и истязаниями.

Ленинское знамя. – 1958. – 19 ноября.

КУЛЬТУРА ПОМЕЩИЧЬЕГО ОЧЕРА

В 1807 году приказчик Строганова Прядильщиков получил разрешение барина выделить пустующее помещение склада (сарая) под театр. Театр носил название комедийного сарая. Из летописи и записок Прядильщикова известно, что с 1810 года

очерцы ставили в своем театре отрывки из опереток, опер и даже целые оперы. Чаще же всего ставили спектакли—комические и драматические представления.

Со своими постановками очерцы отваживались путешествовать в свой губернский город, в котором тогда не было никакого театра. В Перми очерцы ставили свои драмы и оперетки в помещении соляных амбаров Строгановых на берегу Камы.

С 1852 года в Очере существовало особое здание, носившее громкое название клуба. Клуб помещался то в деревянном здании на берегу пруда, теперь уничтоженном (на месте здания милиции), то в трехквартирном графском деревянном здании против бывшего деревянного театра.

Клуб назывался служительским, доступ в него был обставлен всеми формальностями замкнутых клубов, доходившими до курьезного чванства его членов. Помимо клубного правления и дежурных им заведывал буфетчик, вносивший особую плату за аренду помещения окружному правлению Строгановых.

Буфетчик являлся по сути дела фактическим распорядителем этого клуба: ведь тот, кто платит деньги, заказывает и музыку. Что было в этом замкнутом для посторонних служительском клубе? Было в нем два биллиарда, две комнаты для карточной игры, две комнаты тихих игр, в которых имелось два комплекта шашек, два набора домино и два набора шахмат.

С 1834 года вместо сарая, уступленного владельцем под спектакли, начал действовать постоянный театр в здании, освободившемся после постройки капитального каменного здания окружного правления Строганова. Программа клуба и театра в крепостное время часто приспособлялась к склонностям графского управляющего и крупных воротил окружного правления или просто отражала появление в Очере случайного человека с талантами.

С появлением управляющего Егора Демидова и графского эксповара Ивана Мохнаткина с его очаровательной дочерью Эпистимией очерцы увлекались балетом и музыкой. При Павле Бушуеве процветали танцы, пикники, водные прогулки. Главный бухгалтер правления Михаил Усатых способствовал постановкам комедий и «внедрил» в Очере Гоголя с его «Женитьбою» и даже «Ревизором». Появление художника Якова Холмогорова способствовало созданию кружка рисования и живописи. Россوماгины создали при клубе садовоогородный кружок, который познакомил очерцев с культурой помидоров, садовой земляники и смородины.

Старики вспоминают, что золотая пора театра началась с 1874 года, когда в Очере появился главный механик Петр Алексеевич Малых, превратившийся потом в управляющего округом. Человек одаренный, хороший скрипач он был организатором и руководителем музыкальных кружков. Еще большую ценность для кружков и театра имела его жена Софья Алексеевна Малых, бывшая артистка-профессионалка из Александринки (в Петербурге). «Трясучая барыня», как называли в Очере «мадам Малых», ввела в программу театра пьесы Островского и Сухово-Кобылина.

Нашлись опытные руководители драматического кружка и мелодекламации. Вся организационная работа по выбору пьес, подготовке и разучиванию ролей проводилась в двух комнатах тихих игр клуба (напротив театра), а генеральные репетиции—в самом театре.

До крестьянской реформы очерцы несколько раз ставили комедию Капниста «Ябеда», в которой бесподобно осмеивали прокурора Хватайко—»существеннейшего вора» и председателя Кривосудова —»сущего истины Иуду и предателя». Зрителям особенно нравилась пирушка судейских, когда пьяные блюстители закона пели хором: «Бери, большой тут нет науки; бери, что только можно взять. На что ж привешены нам руки, как не на то, чтоб брать?»

Часто «артисты» ставили «Воздушные замки» Хмельницкого, в которых очерцам особенно нравился оптимист Альнаскар. Два раза очерцы ставили «Аскольдову могилу» Загоскина-Верстовского (и не отдельные арии, а всю оперу) с Раисой Николаевной Паздниковой в роли похищенной Надежды.

Ближе к нашему времени старики вспоминают три пьесы Н. А. Островского: «Гроза», «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок». Ставили «Свадьбу Кречинского» Сухово-Кобылина, в которой Кречинского играл то И. Г. Пьянков, то П. В. Сюзов. С 1904 года увлекались Чеховым: ставили «Вишневый сад», «Дядю Ваню», «Три сестры».

Очерцы были уверены, что «Три сестры» написаны Антоном Павловичем где-то около Перми, когда он отдыхал на даче Саввы Морозова. Здесь даже были люди, которые долго ломали голову над тем, с кого в артиллерийской бригаде Перми, среди офицеров которой было много очерских знакомых, Чехов писал Вершинина и Тузенбаха.

С 1894 года записи отмечали увлечение концертами, опереткой, мелодрамой. Несколько раз ставили «Павла Иванова» Дорошевича. Дерзали ставить отдельные сцены из таких вещей, как «Демон» Рубинштейна, «Евгений Онегин», «Жизнь за царя» с двумя Антонинами с хорошими голосами и двумя бесподобными Сусаниными; ставили «Фауста». Ставили, правда, не целые оперы, а отдельные сцены, отдельные арии.

Был создан оркестр с вполне приличными силами: имелись контрабас, виолончелист (Паздников), четыре сильных скрипача, кларнетист, два гусяра. В составе участников хора очерцы вспоминают четырех басов, из которых двое оставили особенно сильную память среди обывателей (Г. Ф. Бояршинов и спившийся бас огромной силы М. Ф. Мощеников), трех хороших теноров и двух сильных колоратурных сопрано.

В шестидесятых годах помещица разрешила своим служащим выписывать педагогическую литературу. Разрешение и ограничение выписки было непререкаемым: особой почты не

было до 1874 года, а вся корреспонденция (и в числе ее газеты, журналы и книги) получалась через «майорат» (главное правление) Строгановых в Ильинском. Раз в неделю туда посылали специального графского почтальона, ездившего на двух выделенных для почты заводских лошадях (через Карагай и Рождественское). Благодаря этому своеобразию выписки литературы мы можем восстановить очень точную картину того, что читал привилегированный холоп.

Член правления Андрей Россомагин выписывал «Альбом русских писателей» за 75 копеек. Такой же альбом выписывал и второй член правления Павел Бушуев. Заводской приказчик Николай Дьяконов, квалифицированный крепостной директор железоделательного завода и хороший металлург, выписывал кроме упоминавшегося уже альбома писателей журнал «Искру», «Русский художественный Листок» и в год выписывал книг на 2 рубля (названия книг не указано). Этот самый передовой по тому времени человек, рискуя навлечь гнев помещика, израсходовал на литературу 6 рублей 58 копеек в год.

Учитель графской школы Михаил Мельников израсходовал 1 рубль 91 копейку в год на «Русский Художественный Листок» и календарь. Окружной лесничий Михаил Россомагин, человек со специальным лесным образованием, израсходовал в год 5 рублей 49 копеек, выписав «Альбом русских писателей», «Искру», «Русский Художественный Листок» и календарь. Бухгалтер Михаил Усатых, подражая лесничему Россомагину, выписал точно такую же литературу.

Итак, только пятеро служащих из 221 выписывали литературу. Четыре разновидности журналов и газет, дающих в общей сложности 16 экземпляров, получал весь заводской поселок Очер и прикрепленный к нему Павловский завод. И это на всю вотчину графа с двумя заводами, 9 крупными селами и 1062 деревнями!

С 1874 года начала функционировать земская почта, поэтому трудно сказать, что выписывали графские служащие после крестьянской реформы.

Во всем огромном округе барина не было ни одной библиотеки и ни одной аптеки. На содержание персонала единственной в округе больницы помещик тратил только 47 рублей в месяц, хотя ежемесячно вычитал с рабочих и служащих свыше 600 рублей на эту больницу.

Клуб, в котором больше пили и картежничали, театр, в котором любители ставили комедии и оперетки, единственная начальная школа, в которой усиленно изучали славянский язык, и 16 экземпляров журналов и газет – вот и все, чем исчерпывалась при помещике культура в двух заводских поселках.

Ленинское знамя. – 1958 – 28 ноября, 21 ноября.